



ШЭРОН ГОСЛИНГ

ДОМИК ПОД СКАЛОЙ

Мудрая, теплая,
вдохновляющая история
о смелости начать все сначала.

Woman

Шэрон Гослинг

Домик под скалой

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68348138
Домик под скалой: Синдбад; М; 2022
ISBN 9785001314684

Аннотация

Стремясь прийти в себя после болезненного расставания с возлюбленным, Анна Кэмпбелл решает полностью изменить свою жизнь и переезжает из Лондона в шотландскую рыбацкую деревушку Криви, где когда-то провели свой медовый месяц ее родители. Анна тоже надеется начать здесь новую главу своей жизни. Однако реальность оказывается отрезвляющей: ее новый дом, приобретенный через сайт риелторской компании, больше похож на сарай, а деревня расположена на узкой полоске между морем и скалами, в зоне штормов и оползней. Далеко от той романтической картины, которую она себе представляла.

Но Анна не из тех, кто легко сдается. Преодолевая сомнения, она останется в этой далекой северной деревне и очень постарается снова стать счастливой. И, несмотря на все трудности, у нее это получится.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	33
Глава пятая	44
Глава шестая	52
Глава седьмая	62
Глава восьмая	77
Глава девятая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Шэрон Гослинг

Домик под скалой

Copyright © Sharon Gosling, 2021

Published in the Russian language by arrangement with
Diamond Kahn & Woods Literary Agency and *The Van Lear Agency LLC*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-

Korpus Prava

ческая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. Издательство «Синдбад», 2022

* * *

*Посвящается Элле, уговорившей меня написать
эту книгу, Анджеле и Полли, которые первыми ее
прочли, и Мари, чей дом послужил мне источником
вдохновения.*



*Моя маленькая шелки!*¹

Тебе понравились цветы? Сын сам их выбирал. Я думал, больше подошло бы что-то особенное, а не нарциссы, но он напомнил, что желтый – твой любимый цвет, и мы оба знали, что он прав. Так что не называй меня скрягой, ладно?

Люблю тебя.

Р. С. Купил еще свёклы. Как-никак, День матери. И не говори, что я никогда не покупаю тебе вкусного. Она в кладовке.

¹ Шелки – в шотландском фольклоре прекрасные люди-тюлени, которые, выходя из моря, принимают облик темноволосых девушек и юношей. *Здесь и далее – прим. ред.*

Глава первая

Ярко-синее весеннее небо с редкими перистыми облаками, похожими на сахарную вату, которую ветер Северного моря случайно вырвал из чьих-то рук, растекалось над океаном. Анна добралась до верхней точки дороги в горах и миновала указатель, предупреждавший, что дальше проезд разрешен только местным жителям.

По обе стороны дороги тянулись зеленые пастбища, но склон постепенно делался все круче, пока не становился непригодным даже для выпаса скота. Дорога петляла над поросшими кустарником обрывами с яркими пятнами полевых цветов, кивающих в такт порывам ветра. На полпути от берега от асфальта ответвлялась крутая тропа – деревянная дощечка, указывающая пешеходный маршрут. Дальше дорога делала вираж, причем поворот был таким крутым, что Анна удивилась, что ей удалось вписаться в него даже на своей крошечной пародии на автомобиль, похожей на консервную банку. Ниже и правее показалась деревня Криви – один ряд домов, разноцветными магнитиками прилепившихся к узкой полоске земли под скалой.

Внизу дорога немного расширялась и, миновав одну-две деревянные постройки, поворачивала на каменистый берег, извилистой полосой тянувшийся от деревни к высокому красноватому каменному мысу с пятнами зеленой травы. Се-

верное море простиралось до самого горизонта, а край суши резко обрывался к складкам волн, набегаящим друг на друга и теряющимся вдали. Был отлив, и с дороги, между скалами и крутым обрывом, открывался вид на бугристое пространство из мокрых черных валунов и мелкой белой гальки. Анна остановилась, заглушила мотор и, пытаясь собраться с мыслями, стала смотреть на колыхание безбрежной сине-зеленой массы воды.

Не прошло и двух минут, как на ее лицо упала тень и кто-то постучал пальцем в боковое окно. На нее сердито уставился старик. Анна опустила стекло.

– Здра...

– Сюда нельзя, – сказал он. – Только для жителей. – Повернувшись, он указал тростью на тыльную сторону еще одного предупреждающего знака, который она проигнорировала. – Туристы обязаны оставлять машину наверху и спускаться пешком.

– Но я здесь живу, – попыталась объяснить Анна. – Я...

– Гостиницы и загородные дома не считаются, – перебил он, все так же недовольно глядя на нее. – Парковка для туристов наверху.

Анна решила, что пора устранить это досадное недоразумение, и, отстегнув ремень безопасности, открыла дверцу. Старик был на голову ниже ее, но все равно выглядел внушительно. Сгорбленные плечи оставались широкими, и в них чувствовалась былая сила. Глубокие морщины вокруг глаз и

рта говорили о том, что большая часть его жизни прошла на открытом воздухе.

— Я не туристка, — сказала она. — Я тут живу. Постоянно. Я купила «Счастье рыбачки». — Анна неуверенно улыбнулась и протянула руку. — Рада с вами познакомиться, мистер...

Он отпрянул, словно от оскорбления, затем окинул ее презрительным взглядом.

— Вы? — прошипел он. — Это вы?

— Да... я. Меня зовут Анна. Анна Кэмпбелл. Я...

Старик отвернулся и злобно сплюнул на землю.

— Проклятое место, — сказал он. — Лучше бы Старый Робби отдал его морю. — Старик повернулся к ней спиной и заковылял прочь быстрее, чем можно было от него ожидать.

— Подождите, — окликнула его Анна. — Пожалуйста, я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Поговорите со мной хотя бы минуту.

Он не остановился. Анна смотрела на его удаляющуюся спину, чувствуя, как в сердце заползает страх. Обескураженная, она прислонилась к машине. Она не пробыла тут и пяти минут, а ее худшие опасения уже сбылись. Это совсем не райское местечко. Никто ей здесь не рад. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, Анна сделала глубокий вдох, наполнив легкие соленым воздухом. Над головой с криками кружились чайки, и на мгновение ей показалось, что они смеются над ней.

«Конечно, смеются, — решила она. — О чем ты только ду-

мала? Почему не послушалась Кэти и не уехала за границу? Арендовала бы домик в Испании, Италии или в каком-нибудь другом теплом месте. Зачем ты приехала сюда? Зачем вообще купила эту проклятую хибару? Зачем?»

Постояв немного, Анна опустила руку, расправила плечи и повернулась к деревне. Ряд домов дугой вытянулся вдоль узкой наклонной полоски земли у подножья поросшей зеленой скалы. Между домами и берегом пролежала узкая бетонная дорожка Анна читала, что время от времени волна утаскивает в море зазевавшегося пешехода, а во время прилива или шторма дорожка становится практически непроходимой. Идея купить здесь дом показалась Анне необычной и романтичной, но теперь, столкнувшись с реальностью, она поняла, что истине соответствовало только первое предположение, а никак не второе. Почти все дома стояли торцом к морю. Противостояние природным стихиям здесь важнее красивого вида из окна.

Из этой короткой цепочки домов и состояла деревня Криви. Анна купила самый маленький из них. Его удалось рассмотреть с того места, где она остановилась. Дом выглядел – и *был* – чуть больше каменного сарая и стоял посреди деревни прямо у набережной, обращенный тыльной стороной к Северному морю и окнами к соседним домам и скале. Дорожка вдоль моря, теперь казавшаяся скорее опасной, чем романтичной, была единственным путем к дому, который Анна купила «не глядя»: все лучше, чем оставаться еще ме-

сяц, неделю или даже день в безупречно чистом пентхаусе Джеффа в Кенсингтоне.

– Идиотка, – пробормотала она вполголоса. – Анна, ты полная и безнадежная *идиотка*.

Но пути назад уже не было – нужно идти и забирать ключи. Анна заперла машину, сделала глубокий вдох и направилась к своему новому дому.

Крайнее строение в деревне, самое близкое к дороге, – нежилое, поняла она. На его грязном, со следами побелки торце можно было различить большие серые буквы: «Криви Инн». В окнах все еще маячило меню, но было совершенно очевидно, что заведение давно закрыто. Интересно, где находится ближайший паб, подумала Анна, – вероятно, в Гарденстауне, еще одной деревушке на другом берегу большой природной бухты залива Мори-Ферт. Повернув голову, Анна разглядела за мелкой рябью волн и большой скалой, вздымавшейся на другом конце каменистого пляжа, смутные очертания деревни. Дома в Гарденстауне были рассыпаны по широкой расщелине в скалах; образуя террасы, они змейкой спускались по склону до самой бухты и причала, небольшого, но, по сравнению с Криви, казавшегося огромным. Изначально Криви строилась как рыбацкая деревня, но у нее не было своего причала, только небольшая стоянка для швартовки, рассчитанная на несколько лодок; сейчас там, ожидая прилива, на острых камнях опасно балансировала обшарпанная деревянная шлюпка.

Неудивительно, что большинство домов здесь превратились в загородные, подумала Анна. Кто в здравом уме добровольно вызовется жить здесь круглый год? Даже теперь, при ярком весеннем солнце и спокойном море, такая перспектива выглядела пугающей: да, сюда можно приезжать на отдых, но жить здесь невозможно. Анна читала, что деревня появилась здесь в результате огораживания. Первым ее обитателям просто некуда было идти, поскольку земель, не занятых англичанами, практически не осталось. В результате Криви – как Анне казалось из далекого Лондона – стала символом того, что сильнее жестокости. Анна и сама толком не знала, чего именно. Изобретательности? Стойкости? Надежды? А может, все дело в том, что ей тоже было некуда идти?

«Идиотка, – снова подумала она. – Идиотка».

И вот дом стоял прямо перед ней. «Счастье рыбачки». Ее привлекла не только живописная местность, но и название дома, выведенное на почтовом ящике слева от двери, под квадратным окном. Сама дверь выкрашена в васильковый цвет, в тон небу над крышей маленького дома, – этот цвет создавал радостное настроение, пусть даже под напором сильного соленого ветра краска местами и облупилась.

Анна смотрела на парадную дверь своего нового дома. К объявлению «Продается» прилагались снимки интерьера, но теперь она могла вспомнить только узенькую деревянную лестницу, ведущую в комнату на чердаке, где едва помещалась односпальная кровать, да ощущение компактности и

уюта, возможно возникшее благодаря ловкому обращению с фотоаппаратом агента по недвижимости. Судя по размерам дома, первый этаж не мог вместить больше одной комнаты – лачуга и только. Должно быть, помещение, предназначенное под склад, потом переделали в жилой дом.

Анна старалась не поддаваться панике. К дому подведены вода и электричество. И душ здесь есть – слава богу, это все-таки не сарай. Если снаружи дом похож на хибару, это вовсе не значит, что он такой же и внутри. Облупившаяся краска на двери не в счет. Просто Анна привыкла жить в шоу-румах – просторных, со вкусом обставленных, но лишенных индивидуальности.

Собравшись с духом, она громко постучала в дверь. В письме, полученном агентом по недвижимости от бывшего хозяина, говорилось, что он будет ждать ее здесь и передаст ключ. В Лондоне так не делается. Но это не Лондон, к тому же самой Анне еще не приходилось покупать дома, это была прерогатива Джеффа. Именно он выбирал новое жилье, в которое они переезжали, с каждым разом – по мере того как восходила его звезда – становившееся все роскошнее, но не просторнее, так что ей по-прежнему приходилось довольствоваться половиной платяного шкафа и делить с ним ванную.

Ветер трепал ей волосы. Анна заметила, что с одной стороны дома тянется пустая полоска бетона, чуть шире, чем дорожка вдоль моря, и отделенная от нее низким шатким за-

борчиком с калиткой. Здесь мог бы быть садик, хотя его, вне всякого сомнения, затапливало бы во время прилива и ни одно растение не выжило бы.

Прошло две минуты, потом три, но ей все не открывали. Может, Роберт Маккензи глух как пень? Как его назвал тот старый ворчун на берегу? Старый Робби? Почему бы и нет, если они ровесники.

Она постучала еще раз и услышала скрип открывающейся двери, но звук доносился откуда-то сзади. Повернувшись, Анна увидела женщину лет шестидесяти с короткими седыми волосами и лучиками морщинок вокруг глаз, которая смотрела на нее с порога соседнего дома.

– Кого-нибудь ищите? – спросила женщина. В ее речи, как и у Анны, отсутствовало раскатистое шотландское «р».

– Меня здесь обещали встретить. – Анна повысила голос, перекрикивая внезапные порывы ветра. – Роберт Маккензи.

На лице женщины отразилось сомнение.

– Он не живет в Криви. – Название деревни у нее прозвучало как «Кривви». – Он точно назначил вам встречу здесь?

– Я... Да. – Усталость, накопившаяся за последние несколько недель, вдруг разом навалилась на нее. – Я... Это мой дом. Сегодня я собиралась переехать, и он должен был отдать мне ключ...

– Ой! – воскликнула женщина. – Конечно! Вы Анна Кэмпбелл.

– Да. – Анна слегка растерялась.

– Старый Робби говорил, что вы приедете, – сказала женщина, – но я думала, это будет на следующей неделе. Обычно он не опаздывает. Может, лодку вызвали.

Анна понятия не имела, что имеет в виду женщина.

– Он дежурит на спасательном судне в районе Макдаффа, – с улыбкой пояснила соседка в ответ на удивленный взгляд Анны. – Если они получили вызов, то он, скорее всего, просто не успел перенести вашу встречу. Я могу позвонить Барбаре, она знает. Может, зайдете – я поставлю чайник. Судя по вашему виду, чашка чая вам не помешает.

Анна на мгновение потеряла самообладание и испугалась, что вот-вот расплачется.

– О, – сказала она. – Да. Да, пожалуйста. Спасибо.

– Кстати, меня зовут Пэт. – Женщина посторонилась, впуская Анну. – Пэт Торп.

Глава вторая

Дом Пэт Торп назывался «Приют ткача». Он состоял из трех этажей, притиснутых к скале; человек, построивший его, проявил завидную изобретательность, чтобы соорудить удобный и просторный дом в этом суровом месте. Из дворика с ротанговым столом и стульями несколько каменных ступенек вели к парадной двери.

– Это для жильцов, – объяснила Пэт Анне. – А мы с вами воспользуемся черным ходом, как называет его мой муж.

Именно отсюда вышла Пэт, чтобы поговорить с Анной. Узкий коридор с боковой дверью, за которой Анна увидела крошечный туалет, вел в большую теплую кухню. Пол в ней был выложен серой плиткой, стены – очищены до камня, выровнены и покрашены белой краской. В одну из стен встроили довольно большую плиту с дровяной печью. Красивая кухонная мебель была солнечного желтого цвета; в центре стоял большой дубовый стол в окружении прочных стульев. Наполнив электрический чайник водой, Пэт включила его и предложила Анне присесть, а сама поднялась по крутой деревянной лестнице к телефону. Под звуки приглушенного голоса, доносившегося сверху, Анна осмотрелась. У одной стены стоял буфет с керамической посудой – похоже, ручной работы; каждый предмет украшала яркая роспись.

Спасательное судно Роберта Маккензи действительно от-

правилось на вызов – помощь потребовалась прогулочному катеру, который вышел из Лоссимута и потерпел бедствие на оживленных морских путях залива.

– Дело оказалось не слишком сложным, – сообщила Пэт, заваривая чай. В кухне пахло свежим песочным печеньем, которое стыло на полке рядом с огромной газовой плитой. – Если повезет, он скоро будет здесь. Сочувствую – в день переезда вам меньше всего нужна светская беседа с соседкой. Вы наверняка устали.

– Немного, – с улыбкой призналась Анна. – И кстати, одно поражение на этом фронте я уже пережила.

– Да?

– По приезде мне повстречался пожилой мужчина, – объяснила Анна. – Он не хотел, чтобы я парковалась в жилом районе.

– Ага, – сказала Пэт. – С тростью? Выглядит так, словно сегодня уже провел десять раундов с Тайсоном?

– Вроде того.

– Дуглас Маккин. – Пэт вздохнула. – О боже. Не принимайте на свой счет. Дело не в вас, а в «Счастье рыбачки». Этот спор по поводу права собственности тянется уже не один десяток лет. Он и Брен из-за этого ненавидел. Но если честно, вряд ли он симпатизирует хоть одному человеку на свете. Разве что Старому Робби. Дуглас – последний из тех, кто родился и вырос в Криви, и он недолюбливает нас, пришлых. Наверное, я должна ему сочувствовать, но не мо-

гу. Вечно он чем-то недоволен.

Анна улыбнулась, испытывая некоторое облегчение от того, что она не единственный объект стариковского гнева.

– Давно вы здесь живете?

– Мы с Фрэнком купили свой бизнес лет пятнадцать назад. Это был наш пенсионный план. Возможно, не самая лучшая идея, но теперь я не представляю себе жизни в другом месте.

– Бизнес?

Пэт поставила перед Анной тарелку с печеньем.

– В сезон мы сдаем этот дом по системе «постель и завтрак», а чуть дальше у нас есть еще один – апартаменты для туристов. Фрэнк сейчас там, делает мелкий ремонт. С каждым годом гостей у нас все меньше, но мы уже не молоды, так что, может, оно и к лучшему. В любом случае нам здесь нравится. Но вы, Анна, – что привело вас в Криви?

– Ну... – Анна опустила взгляд в кружку. – Это долгая история. Хотя на самом деле нет – совсем не долгая. Просто не слишком интересная или уникальная. Отец умер и оставил мне немного денег, и примерно в то же время разладились долгие – очень долгие – личные отношения. Мне скоро сорок, но все, что у меня есть, помещается в старую отцовскую машину. Разбирая вещи в доме родителей, я пересмотрела альбомы с фотографиями. В свой медовый месяц они колесили на машине по Шотландии, и один из снимков сделали в Криви. Это место так меня поразило, что я принялась читать

о нем в интернете – и наткнулась на объявление о продаже «Счастья рыбачки». И решила его купить. После продажи дома родителей я могла позволить себе обойтись без ипотеки, и мне нужна была крыша над головой. У меня мелькнула мысль о новой жизни... – Она с кривой улыбкой посмотрела на Пэт: – Возможно, не самая лучшая идея.

– Не торопитесь, – сказала Пэт. – Вы еще не побывали внутри. Брен любила этот дом, и лично я рада, что в нем опять будут жить.

– Брен, – повторила Анна. – Это предыдущая хозяйка?

– Да. Больше в «Счастье рыбачки» никто не жил. Она несколько десятилетий назад она купила его у отца на деньги, заработанные в молодости на разделке сельди, и сама переделала его – по крайней мере, так она говорила. Но если послушать Дугласа Маккина, так она обманом отобрала у него дом. Брен была замечательной женщиной. Всю жизнь прожила одна. Умерла... Да, прошло уже пять лет. Ей стукнуло девяносто пять, и она сама себя обслуживала до той ночи, когда легла спать и не проснулась. С тех пор дом пустовал. По правде говоря, я не думала, что Старый Робби решится его продать. Они с Брен очень дружили.

Хлопнула дверь черного хода.

– Ага, вот и Фрэнк, – сказала Пэт и встала, увидев мужчину в дверях кухни.

Фрэнк Торп оказался высоким и крепким человеком лет шестидесяти пяти, с лицом, которое выглядело смеющимся,

даже когда он оставался серьезным. В одной руке он держал карниз для шторы, в другой – чемоданчик с дрелью. При виде жены он улыбнулся так радостно, словно неделями ждал этой встречи. Анна приподнялась, собираясь встать, и улыбка Фрэнка распространилась на нее.

– Ага! – воскликнул он. – Значит, это к нам гости! А я гадал, чья это там машина...

– Фрэнк, это Анна. Новая владелица дома Брен, – сообщила Пэт, пока Анна вставала со стула.

Фрэнк прислонил карниз к шкафчику, взял протянутую руку Анны и энергично встряхнул.

– Очень хорошо, очень хорошо, – произнес он восторженно. – Ну что, девушка, добро пожаловать в Криви. – Он поднял фирменный чемоданчик «Макита». – Если вам понадобится что-то сделать в доме, приходите прямо сюда, договорились?

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарила Анна.

– Бедняжка приехала, как раз когда Старого Робби вызвали, и она осталась без ключа, – объяснила Пэт мужу, налила еще одну кружку чая и поставила перед ним на стол.

– Ну, если хотите, я могу вскрыть замок, – предложил Фрэнк и подмигнул. Потом сел и придвинул к себе кружку.

Анна удивленно заморгала:

– Нет, я...

– Фрэнк, води себя прилично, – проворчала Пэт. – Бедной женщине совсем ни к чему знать, что ближайший сосед счи-

тает себя специалистом по взлому замков, ведь правда?

– Клянусь вам, это всего лишь хобби, – сказал Фрэнк. – Однажды я уже открывал дверь для Брен – несколько лет назад во время шторма она уронила ключ. Он упал с волнолома, а слесаря тут можно ждать до скончания века. Так что я впустил ее, а потом приехал Старый Робби с запасным ключом.

– Роберт Маккензи, – сказала Анна, ухватившись за знакомое имя, – продал мне этот дом. Наверное, они с Брен родственники, раз он его унаследовал?

– Он ей двоюродный племянник или что-то в этом роде, – ответила Пэт. – Семейные связи тут запутанные, сам черт не разберет. Так или иначе, все местные приходятся друг другу родственниками.

– Думаю, лучше подождать ключа, – сказала Анна. – Не хочу еще кого-то обидеть.

– Дуглас Маккин, – объяснила Пэт в ответ на вскинутые брови Фрэнка.

– А, этот старый болтун, – сказал Фрэнк. – Не обращайтесь на него внимания. А насчет Старого Робби не беспокойтесь, он добрый малый. Всем всегда помогает – до сих пор выходит в море на спасательной шлюпке, хотя давно уже вышел в отставку. Он не рассердится, если я открою вам дверь. В любом случае дом теперь ваш, правда? Вот и делайте с ним все что хотите.

– Не позволяйте ему водить вас за нос, Анна, дорогая. –

Пэт встала и снова включила чайник. — Фрэнку нужен предлог, чтобы покрасоваться перед вами, вот и все. Воображает, что в прошлой жизни был преступником, а на самом деле он мягче, чем взбитые сливки.

Фрэнк скорчил гримасу и закатил глаза, воспользовавшись тем, что жена отвернулась, чтобы взять печенье.

— Не делай такое лицо, Фрэнк Торп, — сказала Пэт. — А если ты съешь все это до ужина, заработаешь очередной приступ.

Фрэнк демонстративно вздохнул:

— Как была учительницей, так и осталась. У тебя глаза на затылке.

— А с тобой иначе-то и нельзя.

С улыбкой на лице и со все возрастающим любопытством Анна слушала их пикировку. Она казалась знакомой, хотя ничем не напоминала их с Джеффом отношения. Анна поймала себя на том, что вспоминает юность, когда мать еще не умерла, а отец не состарился. Они были счастливы, ее родители, — вплоть до того темного пятна на рентгеновском снимке, которое сократило жизнь матери и в конечном счете убило природный оптимизм отца. Анна уставилась на свои пальцы, стиснувшие кружку. Она теперь старше, чем была мать, когда заболела раком, но чем она может похвастать? Загубленной карьерой, которой все время жертвовала ради мужчины, никогда никого не любившего, кроме себя, и правом владения на дом размером с коробку из-под обуви в совер-

шенно чужом для нее месте.

Сообразив, что все умолкли, Анна подняла глаза на Пэт и Фрэнка; они переглядывались так, словно обратились к ней, но не получили ответа.

– Простите. – Она провела ладонью по лицу. – Я на секунду отвлеклась. Последние несколько дней были долгими.

– Еще бы, – посочувствовала ей Пэт.

– Знаете, – продолжила Анна, глядя на Фрэнка, – пожалуйста, я приму ваше предложение насчет замка. Но вы уверены, что мистер Маккензи не рассердится?

– Нет, – уверенно ответил Фрэнк. – Мы позвоним Барбаре и скажем, что вы сумели войти, так что ему не нужно торопиться сюда, когда он причалит к берегу. Готов поспорить, он только обрадуется.

Глава третья

Через несколько минут Анна уже наблюдала, как местный умелец, похожий на персонажа «Розовой пантеры», возится с замком на двери ее нового дома. Больше никаких признаков жизни в деревне не наблюдалось. Ближе к вечеру ветер усилился, обрушивая на стенку набережной пенистые волны, которые разбивались о камень со звуком, похожим то ли на шипение, то ли на вздох. В небе беспрерывно кричали чайки, кружившие в потоках воздуха, таких же мощных и невидимых, как дыхание океана. Анна скользнула взглядом по неровной линии домов, исчезающих за поворотом и сливавшихся со скалами. В лучах вечернего солнца покрытые зеленью утесы приобретали золотистый оттенок; дрожащий свет словно разбивался об их неровные края, обрамленные черными тенями. Ей казалось, что деревня зажата между двумя приливами, а утесы – вовсе не утесы, а стены воды, которая вот-вот обрушится вниз, навстречу морю, в том самом месте, где она сейчас стоит.

– Готово! – воскликнул Фрэнк.

Послышался тихий металлический щелчок, и дверь «Счастья рыбачки» открылась. С сияющим лицом он повернулся к Анне.

– Спасибо большое, – сказала она, испытывая огромное облегчение.

– Не за что. Помочь вам перенести коробки?

– Там особенно нечего нести. Теперь я сама справлюсь.

Мне просто нужно... сначала немного осмотреться.

Фрэнк кивнул и отошел, очевидно понимая ее желание остаться в одиночестве, но Анна медлила.

– Ну тогда зовите, если что-то понадобится. Мы ложимся спать около одиннадцати, а до этого обращайтесь в любое время – достаточно крикнуть. Помощь, молоток, чай, шоколад, вино, виски или компания – все, что пожелаете. Ладно?

Анна улыбнулась:

– Еще раз спасибо. Не ожидала сразу же познакомиться с такими чудесными соседями.

– Что тут удивительного? – Фрэнк пожал плечами. – Мы вам рады, милая. В это место давно пора вдохнуть новую жизнь. Может, утром заглянете на завтрак? В девять тридцать. Придете, значит, придете. Нет – тоже не беда.

Он ушел. Анна стояла на пороге дома, прижав ладонь к шершавым дверным доскам. Затем сделала глубокий вдох, толчком распахнула дверь, вошла и закрыла ее за собой. Прямо за дверью обнаружилась еще одна, а между ними – крошечная прихожая со стенами из сосновых бревен. За спиной по-прежнему завывал ветер, но в доме воздух был неподвижен – прихожая служила чем-то вроде шлюза, защищавшего от непогоды снаружи.

Анна открыла вторую дверь, и ее обдало волной сперттого воздуха. В помещении царил полумрак, несмотря на слабый

свет, проникавший через маленькие окна. Нашупав выключатель, она щелкнула им и замерла на пороге залитой ярким светом комнаты. Сразу бросалось в глаза, что в «Счастье рыбачки» давно никто не живет. Пыль висела в воздухе и покрывала все поверхности тонкой серой пленкой, из-за которой все выглядело тусклым.

Она заплатила за дом запрашиваемую цену с условием, что прежний владелец оставит мебель и бытовые приборы, потому что своих у нее не было, а неудобное расположение Криви крайне затрудняло доставку новых вещей. Агент предупреждал ее, что дом требует «модернизации», но тогда Анна сочла эту покупку наилучшим выходом из создавшегося положения. Теперь же она понимала, что он имел в виду – ей всучили груду старого хлама. Слева от двери находилась главная комната – гостиная. Под окном, выходящим к морю, стоял продавленный двуспальный диван, обтянутый грубой синей тканью, с набивкой, выглядывавшей из потертых подлокотников, а перед ним – сосновый кофейный столик, покрытый пылью. Напротив дивана размещались два кресла с бугристыми сиденьями, обитые оранжевой и коричневой тканью, судя по всему по моде семидесятых. Вся мебель стояла боком к встроенной в край левой стены печке с маленькой дровяной плитой. В дальнем углу, рядом с камином, была лестница, ведущая на второй этаж, – ее Анна хорошо помнила по фотографиям. Сейчас она больше смахивала на смертельную ловушку, чем на симпатичную и оригинальную

деталь архитектуры. На полу лежал потертый синий ковер, не слишком сочетавшийся с обивкой дивана, хотя примерно одного с ним возраста.

Кухня начиналась под низким лестничным пролетом и тянулась до правой стены дома. Из описания Анна помнила, что в «Счастье рыбачки» плита, раковина и холодильник установлены в один ряд на выложенном плиткой участке пола. Тогда ее это не интересовало – расставшись с Джеффом, она не могла поручиться, что когда-нибудь вообще сможет войти в кухню, разве что поджарить тост или разогреть что-нибудь в микроволновке. Теперь же, осматривая дом, Анна сама удивлялась своему смятению. Да, здесь имелись полки и шкафчики, рабочие поверхности и даже «обеденный стол», если можно так назвать маленькую конструкцию из сосновых досок, соответствующую размеру пространства под лестницей, и две задвинутые под него табуретки. Все было таким миниатюрным, что уместилось бы в лифте в доме Джеффа, и Анна засомневалась, сможет ли она поджарить здесь тост, не говоря о чем-то более существенном.

Справа Анна увидела дверь, ведущую в еще одно помещение из грубых бревен, занимавшее угол между коридором и внешней стеной. Внутри оказалась ванная комната, оборудованная крошечным душем, раковиной и белым унитазом. Несмотря на слой пыли, все это, слава небесам, выглядело чистым – и на удивление современным, не похожим на остальное в доме.

Закрыв дверь ванной, Анна, двигаясь словно в тумане, вернулась в свою новую так называемую кухню. Прodelав меньше шести шагов, она оказалась возле старинной прямоугольной фаянсовой раковины, над которой располагалось единственное выходившее на море окно размером – чуть больше рамки для фотографии 8×10 дюймов, с узкими ставнями, вероятно для защиты от брызг. Анна ухватилась за холодный фаянс раковины, ощущая под пальцами слой пыли, и посмотрела на серо-зеленые волны.

– О боже. Что я наделала?

«Ну-ну, девочка моя, – прозвучал в голове знакомый голос. – Еще рано отчаиваться».

Ее глаза наполнились слезами. *Папа*.

Так он успокаивал ее, когда она устроилась на работу после окончания кулинарного колледжа, а он помогал с переездом на ее первую квартиру. С тех пор прошло почти двадцать лет, но у Анны сохранились яркие воспоминания о том дне. По указанному адресу они обнаружили не просторную квартиру ее мечты с окнами на оживленные улицы Лондона, а жаркую и тесную комнатку в мансарде, под самой крышей отеля «Уэст-Энд». Единственное окно – древний световой люк, до которого она с трудом дотягивалась, даже встав на стул. Но жилье было служебным, а значит, бесплатным, что Анну очень устраивало. Отец не хотел, чтобы она соглашалась на эту работу, – о чем она прекрасно знала, но уже тогда шла на поводу у Джеффа.

– Думай о себе, дорогая, – посоветовал отец, когда она рассказала о месте помощника повара на кухне. – Не соглашайся на эту работу только из-за него. Как насчет того места в Ланкастере, где шеф-повар обещал тебе кое-что интересное, когда они откроются? Похоже, там для тебя нашлось бы занятие получше, чем целыми днями чистить морковь.

– Но это Лондон, – возразила она. – Джефф говорит...

– Анна, мне плевать, что говорит Джефф. Месяц назад он, как и ты, был студентом. Откуда ему знать?

– Он такой талантливый, – помнится, ответила тогда Анна. – Он будет звездой. Я знаю.

– А как же ты, Анна? Когда ты сама засияешь?

Анна закатила глаза:

– Победа в небольшом конкурсе еще не делает меня важной шишкой, папа.

– Это тоже слова Джеффа? – поинтересовался отец. – Потому что на том конкурсе ты и его обошла. Я-то помню, хотя он предпочел бы, чтобы все об этом забыли. Для меня, Анна, звание лучшего молодого повара года – это совсем немало.

– Ты ничего не понимаешь, папа, – сказала Анна. – Это же Лондон. В любом случае я люблю Джеффа, а Джефф там.

«Жаль, что я тебя не послушалась», – подумала Анна, смахивая слезы. Папа упорно пытался рассказать ей о других возможностях, пока она прямо не сказала ему, что едет в Лондон и это дело решенное. Потом он всегда ее поддерживал. Наверное, он не был согласен с ее выбором, но при-

няв решение, она могла на него рассчитывать – как и всегда. Отец неизменно старался помочь ей преодолеть трудности, выбрать лучший из возможных вариантов.

«Раз ты приехала, – сказал бы он, если бы стоял здесь, рядом с ней, в «Счастье рыбачки», – может, стоит взглянуть и на остальное, а?»

Анна осторожно, с явной опаской, поднялась по лестнице, которая оказалась гораздо прочнее, чем она думала. Ступени вели в тесное помещение, часть которого занимал платяной шкаф, прислоненный к торцовой стене. Слабый свет проникал в комнату через окошко, выходившее на дорожку у моря. Справа от лестницы проходила стена, делившая чердак на две части. За дверью посередине стены обнаружилась односпальная кровать. Анну удивило – и озадачило – то, что на кровати лежал новый матрас, еще в полиэтиленовой упаковке.

Слева от кровати был втиснут низкий комод, крышка которого служила ночным столиком. Торцовую стену занимало самое большое в доме окно, всего в одном футе от пола, закругленное сверху, чтобы уместиться под коньком двускатной крыши, и тоже со ставнями. Сквозь старую муслиновую занавеску пробивались лучи заходящего солнца. Больше в комнате ничего не было – только пыль.

Анна села на край кровати, прислушиваясь к скрипу матраса в полиэтиленовой пленке. Разве здесь можно жить? Она повторила ту же ошибку, что и с ужасной комнатой, в кото-

рой провела три первых года в Лондоне, – вообразила то, чего в реальности не существует. Так не бывает! Глупо было думать, что, заплатив за дом мизерную цену, она получит что-то приличное. Как часто повторял Джефф, она не знает жизни. «Перестань строить воздушные замки. Почему бы тебе хоть раз не признать, что твои возможности ограничены?»

Она проведет здесь одну ночь, решила Анна, потому что слишком устала, чтобы искать ночлег в другом месте, – и на этом все. По крайней мере, здесь есть чистый матрас, а перед переездом она купила новое пуховое одеяло и подушки.

Возвращаясь к машине, Анна заметила возле некоторых домов что-то вроде низких деревянных тачек на двух колесах и с длинными ручками, которые позволяли толкать их вперед или тянуть за собой. На каждой такой тачке стоял номер дома ее владельца. За мусорными контейнерами на маленькой парковке, где Анна оставила машину, она обнаружила еще несколько таких же, ближайшая из которых принадлежала «Счастью рыбачки». Тачки, как поняла Анна, использовались для облегчения перевозки тяжелых вещей вдоль набережной к домам. Еще одно хитрое изобретение, делающее жизнь в этом глухом месте чуть более комфортной.

Выкатывать свою тачку Анна не стала – из багажника ей нужно было взять всего лишь несколько вещей. Остальное пусть остается здесь, подумала она, иначе завтра, перед отъ-

ездом, придется тащить все назад.

Анна достала из машины коробку с постельными принадлежностями. После секундного колебания нашла другую – все они были аккуратно подписаны, хотя вещей она привезла совсем немного, – и открыла ее. Сверху лежала фотография в старой серебряной рамке – окно в счастливое прошлое. Снимок сделали во время отпуска, когда ей было года четыре, где-то на пляже, скорее всего в Уэльсе. Анна сидела на плечах у отца, ее пухлые ножки свисали ему на грудь, в руке она держала мороженое, которое таяло и стекало у нее между пальцами – вот-вот капнет на папины волосы. Мама, ухватившись за руку отца и привстав на цыпочки, пыталась поймать каплю в протянутую ладонь. Оба смеялись, и Анна всегда поражалась, насколько точно эта фотография, как и то, что именно ее родители выбрали, чтобы поместить в рамку и поставить на каминную полку, отражало отношения в их семье. Когда после смерти отца Анна разбирала вещи в его доме, рука сама потянулась к ней. Снимок говорил о простом счастье, которого она так и не испытала во взрослой жизни – и с каждым годом надежд на это оставалось все меньше.

Захватив его, постель и сумку с продуктами, Анна вернулась в свой домик. Она бросила сумку на кухонную столешницу, поднялась по лестнице и поставила фотографию рядом с кроватью. Потом сняла туфли, разорвала полиэтиленовую упаковку с матраса, рухнула на кровать и натянула на себя

одеяло, нисколько не беспокоясь, что легла одетой, что кровать не застелена, а сама она ничего не ела с самого завтрака. И заснула под шум волн, плещущих у самого дома.

Глава четвертая

Анна проснулась еще затемно, потерянная и голодная. И поначалу не поняла, где находится. Затем шум моря вернул ее в Криви, в «Счастье рыбачки», к себе самой. Выбравшись из-под пухового одеяла, она встала, чтобы включить свет, голые ноги коснулись холодного деревянного пола. Анна ощупывала незнакомую дверную раму, пока пальцы не наткнулись на выключатель, потом заморгала от яркого света и наконец сумела сфокусировать взгляд на часах, которые не сняла с запястья. Почти пять утра.

Внизу было холодно, но дров для печки не нашлось – в любом случае спички она не захватила. Под лестницей обнаружился электрический обогреватель, второй стоял наверху, в спальне, но Анна еще не до конца проснулась, и ей не хотелось разбираться, как они включаются. Едва передвигая ноги, она прошла на кухню и взяла сумку с продуктами, брошенную здесь вчера вечером. В ней было только самое необходимое: хлеб, чай, молоко, масло, джем, сыр, яйца, соль и перец. Анна с опаской посмотрела на духовку, размышляя, насколько плохо все может быть внутри. Но открыв наконец скрипнувшую дверцу, с облегчением увидела, что ее дурные предчувствия не оправдались – духовка не нуждалась в чистке. Анна включила гриль и положила под него два ломтика хлеба. Затем собралась заварить чай, но поняла, что у нее

нет чайника. И кружки тоже. Вода тут должна быть, было бы во что налить. Когда тост поджарился, Анна опустилась на диван и, глядя в потолок, принялась механически жевать поджаренный хлеб. Она не могла собраться с мыслями, и все казалось ей нереальным.

Наконец Анна сообразила, что двойные деревянные балки над ее головой используются в качестве своеобразной кладовки. В промежутке между каждой парой опор, поддерживающих второй этаж, имелся пятидюймовый зазор, и в одном углу корешком наружу лежала какая-то книга. Анна встала и вытащила ее. Это была старая тетрадь с обложкой из мягкой кожи, и, открыв ее, Анна обнаружила рецепты, записанные убористым аккуратным почерком. Наверное, тетрадь принадлежала бывшей владелице дома, Брен: то ли Маккензи намеренно оставил ее тут, когда увозил вещи старухи, то ли просто не заметил. Сборник рецептов ее бабушки был настоящим сокровищем, и особую ценность ему придавали воспоминания о том, как в детстве Анна готовила по нему вместе с матерью. Беря его в руки, она каждый раз ощущала, что чуть лучше узнаёт бабушку, умершую еще до ее рождения. Благодаря бабушкиным рецептам она чувствовала себя ближе и к матери, которой не было рядом большую часть ее жизни.

Наверное, записи Брен – такое же ценное наследство, и Анна мысленно отметила, что тетрадь обязательно нужно вернуть Старому Робби. Может, у него есть дети и внуки, ко-

которые будут готовить по рецептам Брен и вспоминать ту, кому принадлежала эта тетрадь. Жаль, если рецепты, собиравшиеся на протяжении многих лет, будут утеряны. На некоторых страницах Анна заметила рисунки, вероятно сделанные самой Брен, а на других – примечания еще более мелким и аккуратным почерком. Замечательная вещь, заслуживающая бережного обращения. Анна положила тетрадь на кофейный столик и доела тост.

Сил не было, и голова плохо соображала, но, понимая, что заснуть не сможет, Анна решила прогуляться. Минут десять – именно столько времени потребуется, чтобы дойти до конца деревни и вернуться назад, – входную дверь можно закрыть на щеколду, а внутреннюю – на ключ.

На улице Анна остановилась, задумавшись, куда пойти, налево или направо; резкий ветер ударил ей в лицо и растрепал волосы. Налево, решила она, – в ту часть Криви, которой она еще не видела. Утренний свет, в Лондоне тусклый и грязно-серый даже в такую рань, был чистым и ярким, хотя половина деревни все еще скрывалась в густой тени скалы. Начался прилив, и море, расцвеченное всевозможными оттенками лазури и бирюзы, плескалось у самого верха стенки набережной, скрывая свою силу за тихим шелестом волн. Анна сделала глубокий вдох, наполнив легкие соленым воздухом, и отправилась в путь. Она всегда просыпалась ни свет ни заря – настоящее благословение при ее работе. Посмотрев на часы, Анна поняла, что в той, другой жизни в это вре-

мя она бы уже ехала в ресторан, на очередную долгую смену, где возможности контакта с внешним миром ограничивались редкими пятиминутными перерывами, когда она на пять минут выскакивала в переулок и вставала рядом с мусорными контейнерами. Но с этим покончено, и она больше никогда туда не вернется.

Проходя мимо домов, Анна внимательно разглядывала их, с удивлением отмечая, что в нескольких местах, где скала была не такой крутой, бетонные ступеньки между домами вели к другим домам, построенным прямо за ними. Еще она увидела сады – настоящее царство полевых цветов на участках поросшей травой земли на пологих склонах; здесь росли синие колокольчики, отважные белые маргаритки, фиолетовые вика и чертополох, а еще жизнерадостный желтый цветок, названия которого Анна не знала. В дальнем конце деревни, сужавшейся под натиском нависавшей скалы, дома выглядели иначе: маленькие, преимущественно одноэтажные или с дополнительными окнами в мансарде. Фасады с окнами смотрели не друг на друга, а на суровый океан. Размерами они все равно превосходили «Счастье рыбачки», но ненамного, и Анна пыталась представить себе, какими они были внутри, когда их построили. Убогими, тесными, холодными и сырыми. «Просто удивительно, к чему привыкают люди, – подумала она. – И в каких условиях выживают».

Теперь в этих домах, похоже, никто не жил – по крайней мере, круглый год. Почти у всех в окнах висели объявляе-

ния, предлагающие летний отдых, – любопытным туристам, которые, подобно ей, забрели столь далеко, чтобы их прочесть. Скала возвышалась прямо за домами, напирала, словно невоспитанный незнакомец в толпе. Кое-что еще показалось Анне странным – чего-то не хватало, и она никак не могла понять, чего именно, пока не посмотрела вверх и не заметила, что в небе над ней не кружат чайки. Даже морские птицы сторонились этого места.

Она уловила слабый прелый запах. Снова взглянув на скалу, Анна увидела, что она испещрена шрамами, старыми от-метинами, где трава и земля сползли, обнажив камень. Дома внизу выглядели заброшенным. Окна с занавесками в одном из них затянуло паутиной, а глухую стену прикрывал синий брезент, края которого трепал утренний ветерок. Под ним болтался оторвавшийся кусок ржавого водосточного желоба.

В самом конце деревни, где скала выдавалась в море и склон был таким крутым, что на нем могли только гнездиться птицы, Анна увидела поросшую травой небольшую площадку, окруженную низкой каменной стеной. Там стояли три скамейки. Анна выбрала ту, с которой открывался вид на всю деревню, уже сверкавшую яркими красками в лучах восходящего солнца. Перед ней высился столб – часть общественной сушилки. У края волнолома прямо из бетонной дорожки торчали толстые деревянные стойки с натянутыми между ними веревками, на которых раньше развешивали рыболовные сети – для просушки или ремонта перед началом

сезона. Теперь здесь в хорошую погоду сушили белье, и сегодня, несмотря на ранний час, в некоторых местах уже висели на прищепках простыни и одежда. Анна сидела, наслаждаясь запахом моря и плеском отступающей воды, как заметила фигуру, направляющуюся по дорожке вдоль берега в ее сторону. Сердце ее замерло – она испугалась, что это Дуглас Маккин. Избежать встречи с ним она никак не могла, а начинать день с очередного его выговора Анне совсем не хотелось. Но приглядевшись, она поняла, что это женщина – с седыми волосами, пушистым облаком окружавшими ее морщинистое лицо. Шла она быстро и уверенно, явно по делу. Поравнявшись с местом, где сидела Анна, женщина улыбнулась и кивнула, но не замедлила шага. Рука с узловатыми пальцами ухватилась за столб, к которому были привязаны веревки, и женщина дважды обошла его.

– Традиция, – объявила она, описывая круги. – Видите? Южный полюс. Северный полюс. Нужно обойти два раза.

– Да, я... – ответить Анна не успела, потому что женщина снова улыбнулась ей и удалилась туда же, откуда пришла.

Присмотревшись к столбу, Анна увидела, что на одной его стороне написано «Северный полюс», на другой – «Южный полюс». Оставалось непонятным, почему его нужно обходить дважды.

Когда она снова посмотрела в сторону моря, женщина уже исчезла из виду. Анна тоже пошла назад, но гораздо медленнее, и вскоре вышла из тени скалы. Лучи утреннего солнца

освещали подвесные кашпо и пивные бочонки у дверей, превращенные в клумбы; ярким цветам в них соленый морской воздух, казалось, шел только на пользу. За штaketником дома с высокой террасой она увидела куст красивых алых роз.

С моря донесся шум двигателя. От пирса отчаливала моторная лодка. В ней находились два человека, в одном из которых Анна узнала пожилую женщину, дважды обходившую Северный и Южный полюс Криви. Человека за штурвалом Анна не разглядела, было слишком далеко, но, когда лодка взяла курс на Гарденстаун, он повернулся и махнул рукой. Анна не поняла, кому предназначается этот жест, ей или кому-то другому, невидимому, но на всякий случай помахала в ответ.

Вернувшись к «Счастью рыбачки», она увидела на пороге плетеную корзину. В ней лежали бутылка красного вина, четыре булочки в крафтовом пакете, жестяная коробка со свечой и запечатанный конверт, внутри которого Анна обнаружила латунный ключ и короткую записку:

Дорогая мисс Кэмпбелл!

Добро пожаловать в Криви и в «Счастье рыбачки». Сожалеем, что не смогли передать вам ключ вчера вечером и, поскольку вы приехали раньше, не успели навести в доме порядок. Время летит так быстро! Мы планировали не только заменить матрас.

Здесь ваш ключ и корзинка, в подарок к вашему приезду. Пожалуйста, примите ее вместе с нашими наилучшими пожеланиями и надеждой, что вы уже

начали обустриваться.

Всего вам доброго,

семья Маккензи

– Ну что ж, – сказал Фрэнк Торп пару часов спустя, когда Анна сидела за кухонным столом в «Приюте ткача», – как вам первая ночь в «Счастье рыбачки»?

– Ну... – Анна немного растерялась. – Прекрасно. Просто... Замечательно.

– Похоже, не очень, – усмехнулась Пэт, доливая чаю в кружку Анны. – Плохо спали? К морю так сразу не привыкнешь.

Анна улыбнулась хозяйке поверх полной тарелки – такого обильного завтрака у нее не было уже много лет.

– Не в этом дело. Мне приятно было просыпаться под шум волн. Но я поняла, что совершила ужасную ошибку. Мне не следовало покупать этот дом.

Пэт с тревогой посмотрела на нее:

– О нет, дорогая, не говорите так! Вы не провели здесь и пяти минут!

– Знаю, знаю. Но в дом нужно вложить столько труда. И он такой маленький! То есть я знала, что он маленький, но когда увидела... Не думаю, что он мне подходит.

– А что там нужно сделать? – спросил Фрэнк. – На вид он довольно прочный. У вас ведь крыша-то не течет?

– Нет, ничего подобного... по крайней мере я не заметила, – сказала Анна, отметив про себя, что придется все тща-

тельно осмотреть. — Но он очень грязный, и все в нем... как бы это выразиться... такое старое.

— Ага, — кивнула Пэт. — Представляю, сколько там сейчас пыли. Дом уже давно выставили на продажу, но им никто не интересовался. Старый Робби собирался быстренько тут все убрать до вашего приезда.

— Он так и говорил, — улыбнулась Анна.

Пэт оторвала взгляд от тарелки и взглянула на нее:

— Ага! Значит, вы встретились?

— Нет. Утром я вышла прогуляться, а когда вернулась, нашла на пороге корзину с угощением, запиской и ключом. Очень мило с его стороны. Честно говоря, я и не рассчитывала увидеть роскошный дом, — сказала Анна, но тут же подумала, что, наверное, подсознательно именно этого она и ждала. Все квартиры, в которых они с Джеффом жили последние пятнадцать лет, были минималистичными, даже производили впечатление стерильных, потому что они оба так мало времени проводили дома, что не успевали создавать беспорядок, да и Джеффу так больше нравилось. — Но, честно говоря, дело даже не в этом. Я не знаю, о чем думала, когда решила поселиться в таком месте. Это просто нелепо.

Фрэнк повернулся к Пэт:

— Помнишь, как мы проснулись в первый день после переезда?

Пэт усмехнулась, глядя на мужа поверх кружки с чаем:

— Я чувствовала ровно то же самое.

– Мы тоже подумали, что совершили ужасную ошибку. – Теперь Фрэнк обращался к Анне: – И еще этот жуткий шторм, бушевавший в нашу первую ночь. Мы проснулись с ощущением, что очутились в самом центре разгулявшейся стихии. Пэт плакала. Правда, дорогая?

– Плакала, – признала Пэт. – Я спустилась на кухню – это было еще до ремонта, когда мы оборудовали второй туалет, – чтобы поставить чайник, и из-под двери так тянуло холодом, словно я попала в Арктику. А еще пол намок, потому что через щель в дом попадала вода. От влажных ковров несло псиной, у меня никак не получалось разжечь дровяную печь, а электричество отключилось. В общем, я сидела в мокрых тапках на нижней ступеньке лестницы и горько плакала. Тогда мне казалось, что мы потратили все наши сбережения, а приобрели только кучу забот.

– Честно говоря, я чувствовал себя ничуть не лучше, – прибавил Фрэнк. – Да, мы не сразу полюбили этот дом – и деревню. Но полюбили. Готов поспорить, Анна, вы тоже полюбите, если дадите себе шанс.

Анна улыбнулась, но засомневалась, что когда-нибудь сумеет полюбить старый грязный сарай, который теперь вынуждена называть домом.

– Подождите хотя бы несколько недель, – посоветовала Пэт, словно читая мысли Анны. – Поживите в доме, почувствуйте его своим. Сейчас это кажется странным, потому что он заполнен чужими вещами.

– Да, – согласилась Анна. – Он и правда старше, чем я думала.

– Мы готовы помочь, – предложил Фрэнк. – Если вам что-то нужно вывезти или привезти, только скажите – я с радостью.

– Спасибо. – Анну искренне растрогало отношение соседей, из всех сил старавшихся показать, что здесь ей рады. – Честно говоря, думаю, мне нужно начать с уборки. Можно попросить у вас половую тряпку, щетку, немного моющего средства и ведро?

В конце концов, рассудила Анна, положив себе еще один кусок бекона, как бы она ни распорядилась домом – у нее мелькнула идея сдавать его на лето, хотя было непонятно, кому приглянется сарай, в котором есть только односпальная кровать, – сейчас «Счастье рыбачки» прежде всего нуждается в тщательной уборке.

Глава пятая

Анна начала с кухни, потому что сама мысль о заросшей грязью столешнице переворачивала ее поварскую душу. В одном из шкафчиков она нашла старый совок для мусора и щетку, отчистила плитку на полу, решив, что вымоет его позже. Потом занялась рабочими поверхностями. Она с удивлением обнаружила, как откликается на ее заботу старая дубовая доска – на поверхности дерева угадывались такие же волны, на которые она смотрела из оконца над побитой фаянсовой раковиной. Сегодня море не волновалось, и Анна жалела, что почти не слышит шума волн, но вскоре убедилась, что окно вообще не открывается. Очевидно, это еще один способ защиты от непогоды, и Анна вспомнила шторм, о котором рассказывали Пэт и Фрэнк. Интересно бы на него посмотреть, особенно из этого крошечного домика.

Она всегда любила бури. К первому дому, в котором она жила, сзади была пристроена старенькая теплица, и с ней связано одно из детских воспоминаний, когда отец разбудил ее посреди ночи – приближалась буря, и он хотел, чтобы девочка увидела ее своими глазами. Мама тогда еще была жива и, когда папа отнес Анну вниз, сидела на кухне и готовила всем горячий шоколад. Отец взял подушки со старого плетеного дивана, разложил их на полу, а сверху бросил одеяла, так что получилось мягкое уютное гнездышко, где они

втроем лежали и смотрели сквозь стеклянную крышу теплицы на бушующую над их головами бурю. Даже теперь Анна отчетливо помнила оглушительные раскаты грома, бело-голубые трещины молний, прорезавшие ночное небо над ними, вкус густого горячего шоколада и тихий голос отца, подробно объяснявшего физическую природу каждого удара, хотя в том возрасте она еще не понимала слов, которые он произносил.

Анна отложила щетку и стала смотреть на волны за окном. «Маме и папе здесь понравилось бы, – подумала она. – Собственно, им и понравилось. Я ведь это с самого начала знала, ведь так? Во время свадебного путешествия родители объехали много разных мест, но не все они попали в альбом. Криви попала».

Может, именно печаль подтолкнула ее к покупке этого дома? Одиночество, потребность восстановить связь с чем-то важным, но теперь навсегда утраченным? Так оно, наверное, и было, подумала Анна. Какая же она идиотка! Как будто этот дом мог избавить ее от одиночества, вернуть в то время, когда она жила среди родных людей, чувствовала себя в безопасности, любимой и желанной. Сейчас ей очень хотелось поговорить с отцом.

«Скажи, папа, что мне делать. Я ведь не смогу жить здесь? Не смогу. Тут для меня ничего нет. О чем только я думала?» Чтобы не вслушиваться в тишину, она вернулась к работе. Плита и окружавший ее кафель преподнесли ей приятный

сюрприз. Под пылью обнаружилась красивая темно-зеленая плитка, ярко засиявшая в свете позднего утра. Анна попробовала включить вытяжку и убедилась, что, несмотря на медленный старт, она прекрасно работает, а чтобы вернуть вытяжному зонту былой блеск, его следовало просто хорошо почистить. После отбеливателя древняя фаянсовая раковина сверкала как новая, хотя на дне остались несколько сколов и царапин, не подвластных чистящим средствам.

Затем наступила очередь шкафчиков и ящиков – их уже освободили, но все-таки требовалось освежить. Потом – холодильник, в котором не оказалось ужасного запаха, чего так боялась Анна. И наконец, соснового обеденного столика.

Закончив уборку на кухне, Анна устала, вспотела и, несмотря на плотный завтрак, которым ее угостили Фрэнк и Пэт, даже проголодалась. Одежда, полотенца, почти все туалетные принадлежности и кухонная утварь остались в машине. Осознав, что проведет здесь как минимум еще одну ночь, Анна решила перенести в дом часть вещей, хотя бы для того, чтобы не возвращаться к машине каждый раз, когда ей что-нибудь понадобится.

Деревня по-прежнему выглядела безлюдной, и Анна радовалась, что ее никто не видит такой – взмокшей и растрепанной после уборки. Приблизившись к своему старому «фиату», она заметила под одним из дворников квадратный листок бумаги, трепетавший от налетевшего с Северного моря ветра. Анна вытащила записку, в которой неровными буква-

ми была составлена короткая недружелюбная фраза:

Парковка для ЖИТЕЛЕЙ

Не выпуская листка из рук, Анна оглянулась, но не увидела никаких следов присутствия того, кто мог быть автором послания. Скорее всего, это дело рук Дугласа Маккина, хотя старик уже знает, что она полноправная хозяйка «Счастья рыбачки» – так какой смысл подсовывать ей подобную записку? Она смяла листок и сунула его в карман, но неприятный осадок в душе все же остался.

«Не волнуйтесь, – мысленно успокоила она того, кто мог наблюдать за ней и желать ее отъезда. – Я здесь ненадолго».

В этот раз она погрузила коробки в тачку и покатила ее по дорожке вдоль моря. Пара местных жителей, которых она повстречала, поздоровались – судя по всему, записку оставили не они, хотя кто знает, что творится в чужой душе?

Дома Анна стерла пыль в миниатюрной ванной, потом попробовала включить душ. Слава богу, вода оказалась горячей, а напор вполне приличным. Душ освежил тело и восстановил силы. Она надела спортивные брюки, толстовку и удобные высокие тапочки, которые Джефф заклеил как жалкую дешевку.

Выйдя из ванной, Анна удивилась, как хорошо выглядит свежeweымытая кухня.

Она решила не заморачиваться и приготовить себе омлет – к счастью, для него хватало ее скромного запаса продуктов. Взяла свою любимую медную сковороду (которую

с гордостью купила на первую зарплату и за которой с тех пор тщательно ухаживала), зажгла газ и, улыбаясь, принялась взбивать яйца. Омлет. Первое блюдо, которое Анна научилась готовить в кулинарном колледже, хотя ей, как и всем остальным студентам, показалась бы смешной сама мысль, как можно не знать этого простейшего рецепта. Вообще-то смысл первого урока заключался именно в этом. Все они считали, что умеют готовить омлет, но первая заповедь хорошего повара – признать, что он знает меньше, чем ему кажется. Потому что, утверждала их преподавательница, мадам Шобер, если вы слишком самонадеянны и не готовы овладеть основами, из вас никогда не выйдет великого повара. Согласно ее философии, великие повара, достигшие вершин мастерства, должны признавать, что им есть чему учиться. Поэтому первый шаг в карьере повара – научиться учиться, и начинать лучше всего с самого простого – правильно разбивать яйца.

Джефф, вспоминала Анна, на том первом занятии отказался готовить омлет вместе со всеми, заявив, что родители не для того потратили кучу денег на колледж, чтобы его учили тому, что он и так с шести лет превосходно делает, и грозился пожаловаться на мадам Шобер декану, если та попробует его заставить. Тогда она предложила ему продемонстрировать свое мастерство, и он приготовил омлет быстрее преподавательницы, игнорируя все ее советы, – просто чтобы доказать свою правоту. Именно эта его черта – абсолютно

непоколебимое самомнение – почти сразу привлекла внимание Анны. Это и притягивало, и отталкивало ее, тихую провинциальную мышку, которая при поступлении в колледж уже кое-что умела, но свято верила, что должна всему научиться. Тот случай превратил Джеффа в звезду класса и положил начало скандальной репутации, которая определила его дальнейшую карьеру. Все знали, кто он такой, и ему это нравилось.

Теперь-то Анна понимала, что напрасно позволила Джеффу ослепить ее своей дешевой самоуверенностью.

Ощущение сытости и желание прогнать мрачные мысли вызвало новый прилив сил. Когда раздался стук в дверь, Анна пылесосила ковер, обнаружив при этом, что не такой уж он и потертый. Проплешины легко скрыть, немного передвинув мебель и положив сверху новый коврик, – этого хватит, чтобы не спугнуть предполагаемых квартирантов.

– Боже правый! – воскликнула Пэт, когда Анна помахала ей, приглашая в «Счастье рыбачки». – Да вы тут времени зря не теряли. Домик хорошеет прямо на глазах, разве нет?

– Да, – признала Анна, оглядывая комнату, явно повеселевшую при солнечном свете. – И то верно.

– Не буду вас отвлекать, – сказала Пэт. – Просто мы с Фрэнком хотели в субботу вечером пригласить к себе нескольких друзей. Это наши завсегдатаи из Криви, Гарденстауна и других деревень. Приходите – у вас будет возможность увидеть новые лица. Они все хорошие люди, наши друзья.

– О... – Анна растерялась. – Э... вы очень добры, но...

– Не волнуйтесь, ничего особенного не намечается, – успокоила ее соседка. – Обычно по выходным мы собираемся у кого-то дома. Может, познакомившись с местными жителями, вы перестанете чувствовать себя туристкой, только и всего. Вреда от этого не будет, так ведь? Даже если вы действительно решите уехать.

– Дело в том, – сказала Анна, – что я собираюсь привести дом в порядок, сфотографировать и выставить на *Airbnb*, а потом решу, что делать с ним дальше. Не уверена, что останусь здесь на выходные.

Улыбка Пэт вышла немного грустной.

– Понимаю. Очень жаль.

– Простите, – сказала Анна, почему-то чувствуя себя виноватой.

– Не извиняйтесь. – Пэт покачала головой. – Вы должны поступать так, как считаете правильным. Но послушайте, если за следующие пару дней вы передумаете, приглашение остается в силе. В любое время после семи. Заходите без церемоний.

Привет, шелки!

Последнее увлечение – дельфины, ты заметила? Он изрисовал ими все школьные учебники – поля, обложки и все остальное. Может, такая одержимость – повод для беспокойства? Может, это что-то означает? Это нормально? Подталкивает его мысли в нужном

направлении или нет? На прошлой неделе это была геология, помнишь? В ванной до сих пор некуда деться от камней. Наверное, мне следует позвонить мисс Кармайкл. Почему к детям не прилагаются инструкции? На все остальное они есть, хотя все остальное гораздо проще. И обходится дешевле.

С ними так легко ошибиться.

Люблю тебя.

Р. S. Да, еще свёкла. Только не проси меня открыть банку. Любовь уводит тебя далеко-далеко, а затем душит парами маринованной свёклы. На эту удочку я не попадусь.

Р. Р. S. Я не могу позвонить мисс Кармайкл. Думаю, она ко мне неравнодушна. Может, сама позвонишь?

Глава шестая

На следующий день Анна проехала вдоль побережья до Фрейзербурга, захватив с собой список того, что нужно купить для «Счастья рыбачки». Прежде всего найти подходящий коврик, чтобы прикрыть проплешины на большом ковре. Еще она хотела сменить муслиновую занавеску в спальне – пришлось попросить у Фрэнка рулетку, чтобы измерить ее длину. И не забыть чайник: прежде чем сдавать дом в аренду, на кухню еще много чего придется купить, но пока ей просто нужно пить чай. И хорошо бы найти способ хоть немного освежить засаленную обивку старых кресел... Составляя вчера вечером список, Анна не переставала удивляться, как быстро он растет.

Когда Анна выезжала из деревни, ее телефон тренькнул, впервые за несколько дней поймав сигнал сотовой связи. Она остановилась на придорожной площадке и прослушала сообщение, оставленное Кэти днем раньше.

«Я понимаю, что ты, наверное, занята, а телефон в этой глуши не ловит, – говорила женщина, которая была ее близкой подругой столько лет, что уже невозможно сосчитать, – но позвони мне, когда вернешься к цивилизации, ладно? Просто чтобы я знала, что ты жива».

Улыбаясь, Анна набрала номер и прижала телефон к уху. – Вот это да, – произнес знакомый голос Кэти. – Прямо

звонок полярника Скотта из Антарктиды в Кенсингтон. Я уж, грешным делом, начала подозревать, что ты дошла до края земли и свалилась с него.

– Почти, но не совсем, – рассмеялась Анна. – Со мной все хорошо. Прости – это первый раз, когда появился сигнал.

– Я так и думала. В любом случае я рада тебя слышать. Ну, как дела? Или еще рано об этом судить? Расскажи мне о Криви. Как прошли первые две ночи в новом доме?

Анна подробно изложила все, что произошло после ее приезда в деревню, уточнив, что следует говорить не «Криви», а «Кривви». Как приятно было облегчить душу перед человеком, который знал ее почти так же хорошо, как она сама. Анна познакомилась с Кэти в средней школе, и с тех пор они дружили. В сущности, Кэти – единственная из подруг, кто поддерживал с ней связь, пока она была с Джеффом. Все остальные постепенно исчезали из ее жизни из-за отсутствия подпитки, в которой нуждается любая дружба. Анна понимала, что виновата не меньше, чем они, и точно знала, что только благодаря решимости Кэти они остались близкими подругами.

– Короче говоря, я идиотка. Мне сразу стало понятно, что я дала маху, – сказала Анна внимательно слушавшей ее Кэти.

– Ты там и двух дней не провела! – воскликнула подруга. – Может, это не совсем совпадает с твоими ожиданиями, но честно говоря, Анна, я давно не слышала, чтобы ты что-то обсуждала с таким же энтузиазмом, как этот переезд. Кроме

того, куда ты поедешь, если не останешься там?

– Не знаю, – ответила Анна. – Куда-нибудь, где у меня, по крайней мере, есть надежда найти работу.

– Кажется, ты собиралась взять паузу, чтобы понять, чего тебе на самом деле хочется? – спросила Кэти.

– Собиралась. – Анна вздохнула и провела рукой по лицу.

– Послушай, – сказала подруга, – сдаётся мне, тебе нужно передохнуть. Ты так привыкла к этой безумной гонке, что чувствуешь себя не в своей тарелке после внезапной смены ритма, на которую наложилось все остальное, что произошло в твоей жизни за последние месяцы. Почему бы тебе не побездельничать пару недель – считай это отпуском. Ты его заслужила. Скажу больше, он тебе *необходим*.

– Я могла бы последовать твоему совету и поехать в Испанию.

Кэти рассмеялась:

– Знаю я тебя – ты и там не находила бы себе места. Отвлекись немного и... *остановись*. Дом твой. Ты не потеряешь деньги, если какое-то время оставишь его у себя, и, кроме того, тебе не придется тратить на что-то другое, да?

Прикусив губу, Анна задумчиво посмотрела на сверкающее на солнце море.

– Наверное.

– В любом случае я бы считала это разумной инвестицией в гостевой дом, – заметила Кэти. – Необычные места теперь в моде. И эти соседи, с которыми ты познакомилась, Пэт и

Фрэнк, похоже, очень славные.

– Да, – согласилась Анна. – Они пригласили меня в гости в выходные, чтобы я завязала новые знакомства.

– Здорово! – воскликнула Кэти.

– Думаешь? – с сомнением произнесла Анна.

– Конечно, – уверенно ответила подруга. – Новые лица – это всегда здорово.

– Похоже, я забыла, как это бывает, – призналась Анна. – Даже не помню, когда я последний раз проводила вечер без Джеффа. А если мы ходили куда-то вместе, то все хотели поговорить с ним, а не со мной.

– Вот именно, – сказала Кэти. – А теперь ты вышла из его тени. Даже если ты не останешься там жить, что плохого в том, чтобы познакомиться с соседями?

Кэти права, поняла Анна. Пора вспомнить, как заводить новые знакомства и связи. И Криви для этого ничуть не хуже остальных мест – особенно если она все равно не собирается оставаться здесь навсегда.

«Начни говорить «да» вместо «нет», – убеждала она себя. – Не прячься в своей раковине. Будь открыта всему, по крайней мере, попытайся – особенно пока ты здесь».

– Ты права, – согласилась Анна. – Мне нужен отпуск, и мне нужны новые друзья. Можно пожить тут еще немного. И как следует осмотреться. Сегодняшний день я собираюсь посвятить покупкам обновок для «Счастья рыбачки».

– Тогда послушай моего совета, – осторожно сказала Кэти

после короткой паузы. — Держись подальше от полок с журналами, особенно от глянца.

Сердце у Анны замерло.

— Да?

— На следующей неделе стартует новая серия. Он торгует лицом. Эти бесконечные интервью, проиллюстрированные его смазливой физиономией. На тот случай, если ты хочешь без этого обойтись.

Анна вздохнула:

— Конечно. Спасибо.

Еще одна пауза.

— Ты же в порядке? — спросила Кэти. — Отъезд — это лучшее из всех твоих решений. Даже если в результате ты потерялась в какой-то глуши.

— Знаю. Но... — задумчиво произнесла Анна.

— Да, — ласково сказала Кэти. — И все же. Скоро тебе станет легче. Уж поверь мне. И если нужно, у нас для тебя всегда найдется место. А пока попробуй извлечь максимум из той ситуации, в которой ты оказалась. Думаю, эта вечеринка будет превосходным началом. Надень что-нибудь шикарное — срази их наповал.

Анна снова рассмеялась:

— Это не та вечеринка. И не то *место*. И я тоже еще не готова.

— Тогда пусть за тебя говорит твое искусство. — В голосе Кэти слышался смех. — Я не сомневаюсь, что ты им по-

нравишься, особенно если приготовишь ту штуку с перцами. Черт, как я скучаю по твоей стряпне. И по тебе. Жутко скучаю.

– Я тоже скучаю, – с улыбкой ответила Анна. – Потом позвоню, ладно? Люблю тебя. Обними Стива. Кстати, ему бы здесь понравилось. Земля, на которой ничего не выращивают, – это поле для гольфа. Если хотите, можете стать первыми жильцами в «Счастье рыбачки», когда я начну сдавать дом в аренду.

Они попрощались, но Анна еще долго не трогалась с места, задумчиво провожая взглядом пакет из-под чипсов, который ветер гнал по асфальту. Глупо было надеяться, что здесь Джефф ее не достанет. Интересно, подумала она, бывают ли у него такие моменты, когда он вспоминает о ней. Вряд ли. Она хорошо знала Джеффа – таблоиды, должно быть, уже опубликовали сделанные папарацци снимки, на которых он выходит из модного ночного клуба в обнимку с какой-нибудь похожей на куклу моделью. Хотя это уже не в первый раз. И не во второй, и не в третий. Сердце болезненно сжалось в груди, и Анна сделала глубокий вдох, стараясь избавиться от неприятного чувства. Нет смысла ворошить прошлое. Теперь у нее другая жизнь, и это ее никак не касается.

Анна завела машину и выехала на дорогу. Она не могла понять, хочется ли ей что-то готовить для вечеринки у соседей. Наверное, лучше просто захватить с собой бутылку-другую вина и какое-нибудь оригинальное печенье.

Несколько часов спустя Анна возвращалась домой – двадцать миль по прибрежной дороге – в забитой до отказа машине, любуясь зелеными полями и танцующими бликами света на воде. Изредка ей попадались деревни – все они располагались в более удобных местах, чем Криви, но все оставляли смутное впечатление заброшенности, словно выжидали лишь усилением воли.

Спуск к морю на этот раз дался ей легче. Перекладывая вещи из багажника в тачку, она заметила вдалеке человека. Сгорбленные плечи, трость и надвинутая на глаза плоская кепка не оставляли сомнений, что это Дуглас Маккин. Анна захлопнула багажник и пошла к дому, старательно игнорируя его взгляд.

Следующие два дня Анна пристраивала в доме свои покупки. Диван и кресла она накрыла шикарными темно-красными покрывалами, а поверх положила новые подушки. Когда-нибудь ей, наверное, придется сменить диван, но этот оказался на удивление удобным, а покрывало очень удачно прятало потертую обивку. Шерстяной коврик в тон покрывалам, но с синим и кремовым орнаментом закрыл проплешины на ковре и связал все в единый ансамбль. Наверху Анна повесила новые муслиновые занавески и задержалась у окна, любуясь бликами света в волнах; лучи солнца, проникавшие сквозь стекло, были такими яркими и теплыми, что ей захотелось лечь на пол и принять солнечную ванну.

Решив, что все же задержится здесь ненадолго, Анна рас-

паковала последние несколько коробок со своими вещами. Одежду она убрала в шкаф и ящики комода наверху. Раскладывая кухонную утварь по шкафчикам, Анна вдруг поняла, что первоначальный шок от общей заброшенности помешал ей увидеть, как удобно здесь все устроено. Да, дом крошечный, но прекрасно спланированный – Анна все именно так и разместила бы, если бы сама руководила проектом.

Она развернула свои поварские ножи, хранившиеся в прочном чехле, который отец с гордостью преподнес ей в честь окончания колледжа. Толстая льняная ткань уже немного истрепалась, но Анна будет пользоваться этим чехлом, пока он не расползется по швам – или пока не истончится настолько, что перестанет защищать лезвия. Большую часть жизни, вплоть до подписания договора на куплю-продажу «Счастья рыбацки», ножи оставались самым ценным имуществом Анны. Она знала каждый из них так, словно они были продолжением ее руки. Работа с ними возвращала ей чувство дома. Проверяя ножи, Анна поняла, что ей хочется что-нибудь приготовить на своей новой кухне. И впервые за долгое время ей не придется выслушивать снисходительные комментарии Джеффа. В этом доме он не будет следить за каждым ее движением. Пусть и маленькая, кухня в «Счастье рыбацки» принадлежит ей и только ей. От этой мысли у нее неожиданно улучшилось настроение.

Приближалась суббота, и Анна, постепенно привыкавшая к новой обстановке, все чаще вспоминала совет Кэти – при-

готовить угощение для соседей. Эта мысль привела в действие знакомые шестеренки в ее голове. Она ведь в состоянии что-то наскоро соорудить? Что-нибудь несложное, но вкусное. Может, ей даже доставит удовольствие испытать свою «новую» кухню. Постепенно в голове Анны мысли о Джеффе сменились мыслями о блюдах: ее блюдах, а не его. Никогда в жизни ей больше не придется готовить по очередному рецепту Джеффа Роклиффа, черт бы его побрал. Анна невольно улыбнулась.

Перебрав несколько вариантов, она в пятницу утром отправилась во Фрейзербург за покупками. Вернувшись домой, распаковала и разложила по ящичкам и шкафам травы, пряности и масла, которые могли ей понадобиться, а также многое другое, что привлекло ее внимание профессионала. В магазине среди прилавков со свежими фруктами и овощами Анна вспомнила почти забытое удовольствие самой покупать продукты, искать что-то необычное, размышлять об ароматах и текстуре. Конечно, сетевой супермаркет не шел ни в какое сравнение с лондонским Боро-маркетом в пятницу утром. Но в последнее время Боро-маркет потерял свое очарование: волшебную домашнюю атмосферу – его фирменный знак на протяжении сотни лет – сменили хипстерские бренды, ориентированные на любопытных туристов и занятых горожан, склонных скорее перекусывать на ходу, чем готовить у себя на кухне.

К ночи холодильник заполнился до отказа, потому что

Анна, взявшись за дело, не могла остановиться. Эта вновь обретенная радость от приготовления еды стала для нее совершенно неожиданной. Наверное, в Лондоне, в той другой жизни, она оставила что-то еще.

Начисто вымыв кухню и аккуратно разложив принадлежности, Анна подумала, что «Счастье рыбачки» нравится ей уже чуть больше, чем раньше. Она поднялась наверх, касаясь ладонью каменной стены и думая о том, что дом не мешало бы покрасить.

Глава седьмая

На следующее утро, когда солнце уже проникло в комнату через новые занавески, Анна проснулась с мыслью о еде. Должно быть, ей снился сон; у нее остались смутные воспоминания о том, как она руководила приготовлением роскошного пира. Анна лежала, разглядывая низкий потолок с яркими узорами от утреннего солнца, и пыталась вспомнить, что именно готовила во сне. В молодости ей часто снилась еда, а каждая секунда бодрствования полнилась радостью понимания, что у нее есть талант к профессии, о которой она мечтает. В самом начале карьеры спящее сознание Анны так часто рождало идеи новых блюд, что она выработала у себя привычку держать на прикроватном столике блокнот и, проснувшись, записывать свои мысли, пока они не успевали развеяться как дым. Но со временем ночная работа подсознания ослабела, а затем, ничем не подкрепленная, и вовсе сошла на нет. Анна всегда работала на чужих кухнях, и ей редко выпадал шанс приготовить блюдо собственного сочинения. Ничего не изменилось и после того, как у Джеффа появился свой ресторан и он получил возможность прислушиваться к ее словам. Но он не захотел.

Анна встала, спустилась на кухню и наполнила водой чайник, потому что любое дело лучше начинать с чая. Доставая из холодильника молоко, она увидела, сколько всего уже на-

готовила. Но пробудившееся творческое начало все еще не отпускало ее.

«У меня нет ничего сладкого, – подумала она. – Неплохо бы соорудить десерт».

Облокотившись на кухонный стол, Анна размышляла о том, что бы лучше подошло для такого случая, и ее взгляд упал на книгу рецептов прежней хозяйки дома. Она взяла тетрадь и принялась листать хрупкие страницы, гадая, найдется ли там что-то интересное. Для первой встречи с соседями как нельзя кстати окажется блюдо по рецепту Брен.

Ее внимание привлекло песочное печенье с малиной и фундуком: во-первых, оно должно получиться вкусным, а во-вторых, в углу страницы имелся маленький красивый рисунок, две ягоды дикой малины на ветке. Примечание рядом с рисунком было написано таким мелким почерком, что Анне пришлось повернуть тетрадь и прищуриться, чтобы разоб-
брать слова.

*Миндаль тоже подойдет, но ДМ не любит фундук,
и для посиделок с домино лучше брать его – иначе
ненасытный сукин сын все слопает. Орехи лучше
дробить, а не молоть.*

Июнь 1983.

Примечание вызвало у Анны улыбку. ДМ? Может, это Дуглас Маккин? В любом случае фундука у нее нет, но во время похода по магазинам она купила пакет очищенного от кожуры сырого миндаля. И не устояла перед корзинками с крас-

ной шотландской малиной, заполнявшими прилавки супермаркета. Так что к остальным блюдам присоединилось печенье с малиной и миндалем по рецепту Брен.

– Ну, – со смехом сказал Фрэнк, любуясь изобилием тарелок и подносов на кухонном столе, – от голода мы точно не умрем!

– Зачем столько хлопот, – выговаривала Пэт Анне. – Вам вообще не стоило ничего с собой приносить – мы же сказали.

– Никаких хлопот, – успокоила их Анна. – Мне это доставило огромное удовольствие, но я немного перестаралась. И еще я хочу извиниться, что не приняла вашего приглашения раньше. Простите. Неделя выдалась не самой легкой.

– Вы извиняетесь? – переспросил Фрэнк. – Глупости. Мы рады вас видеть. Но вы только посмотрите на все это.

– Прямо слюнки текут, – согласилась Пэт. – А как красиво – просто произведение искусства. И все такое одинаковое! Сама-то я футболку дважды одинаково не сложу.

Анна засмеялась – в основном над собой.

– Привычка – вторая натура. Там, где я работала, пинцет и уровень считались обязательными кухонными принадлежностями.

– Не вижу в этом ничего плохого. – сказал Фрэнк, взял шпажку с креветкой и отправил в рот целиком. – М-м-м. Как вкусно!

– Фрэнк! – Пэт сердито шлепнула мужа по руке. – Гости

еще не пришли, а ты уже половину съел!

– Прошу прощения. – В его тоне не чувствовалось раскаяния. – Ладно, Анна, хотите выпить? У нас есть вино любого цвета, пиво, джин с тоником. И даже апельсиновый сок, если хотите, но, насколько я знаю, в нашей деревне никогда не водилось трезвенников.

– Белого вина, спасибо. – Анна снова рассмеялась. – Честно говоря, выпить мне не помешает. Я немного нервничаю.

– Не волнуйтесь, – успокоила ее Пэт, когда Фрэнк отвернулся к холодильнику. – Все наши гости – приятные люди.

– Ваши друзья живут здесь постоянно?

– Большинство, но не все – по крайней мере, пока. Дэвид и Глинн приезжают из Инвернесса почти на все выходные и в отпуск. У родителей Дэвида здесь был летний дом, он вырос в деревне и считается почти местным. Глинн тут тоже нравится. На пенсии они хотели бы перебраться в Криви, но до этого еще далеко. Рона из Фрейзербурга, но после развода не захотела туда возвращаться и поселилась в Гарденстауне. Мари и Филипп живут в Эдинбурге. Они оба юристы и всегда заняты, но как только выдается свободная минутка, приезжают сюда. Терри и Сьюзен...

– Мне этого ни за что не запомнить, – снова рассмеялась Анна.

– Не волнуйтесь, милая. – Фрэнк протянул ей бокал вина, а другой рукой ловко стащил жареный ролл с перцем. – Один взгляд на это изобилие, и они станут ручными.

К восьми часам пришли все – сначала Дэвид и Глинн, с бутылками вина и бурными объятиями для Фрэнка и Пэт. Затем появилась Рона с Мари и Филиппом, потом Терри и Сьюзен. Анну все приветствовали рукопожатиями и улыбками. Прошло совсем немного времени, и она расслабилась, привыкнув к компании и смене тем разговора, который вскоре свернул на покупку «Счастья рыбачки».

– Я так обрадовалась, узнав, что в доме Брен снова будут жить, – сказала Рона, высокая женщина с загорелым веснушчатым лицом, светло-кариими глазами и темными непослушными локонами, которые она все время заправляла за уши. – Когда я увидела, что Старый Робби выставил дом на продажу, то едва не купила его сама – но в нем нет места для моей мастерской.

– У вас мастерская? – спросила Анна. – А чем вы занимаетесь?

– Я керамистка. В основном кухонная утварь – кружки, тарелки, миски и все такое.

– У нее красивые вещи, – вступила в разговор Сьюзен. – Я люблю покупать работы Роны. Они прекрасно подходят для подарка. Думаю, у большинства наших друзей и родственников есть ее кружка, а то и две. У нас самих целый обеденный сервиз, и мы его просто обожаем.

Все одобрительно загудели, и Рона улыбнулась.

– Вот откуда наши чайные кружки, Анна, – сказала Пэт. –

Помните их? Те, с синей глазурью. Этот цвет всегда напоминает мне море на рассвете.

— О да! — воскликнула Анна. — Я тогда еще подумала, какие они красивые. Здорово обладать таким талантом!

— Ну, я еще только учусь, — возразила Рона. — Начала после переезда сюда. В доме уже была мастерская, а мне всегда хотелось попробовать, и я подумала: «Какого черта, Рона, моложе ты не становишься — почему бы тебе не рискнуть?» Я много всего откладывала на неопределенное будущее, когда все чудесным образом сложится, как космическая головоломка. И поэтому решила — теперь или никогда. — Она улыбнулась Анне. — Похоже, вы знаете, как это бывает.

Анна рассмеялась, уткнувшись взглядом в свой бокал с вином.

— Думаю, да. Именно так я решила купить «Счастье рыбачки».

— Смелое решение, — сказал Терри. — Не просто купить необычный дом, но жить в нем. Особенно в таком месте, как Криви. Я вами восхищаюсь, Анна.

Анна поморщилась:

— На самом деле сначала я действительно собиралась здесь жить. Но в первый же день решила, что вряд ли останусь. Приезжать в отпуск — возможно, но жить тут постоянно? Я правда думаю, что не смогу.

Все дружно рассмеялись, но с явной симпатией.

— Мне хорошо знакомо это чувство, — сказала Глинн. —

Когда Дэвид впервые привез меня в Криви, я и подумать не могла, что захочу сюда вернуться, не говоря уж о том, чтобы жить постоянно. Я вообще не понимала, как люди здесь живут – или как можно этого хотеть. Но это место умеет прокрасться тебе в сердце и остаться там навсегда.

– Так же и у нас с Филиппом, – согласилась Мари. – Но прошло уже двадцать лет с тех пор, как мы купили здесь дом, и теперь точно знаем: этот берег прекрасен, хотя бывает довольно суровым. И люди тоже.

Может, причиной было вино – Анна нервничала и слишком быстро осушила два бокала, – но на душе у нее стало тепло.

– Позвольте спросить, Анна. – В одной руке Терри держал тарелку с едой, в другой бокал пива. – Что будет с вашей карьерой? Вероятно, чтобы переехать сюда, вам пришлось бросить работу. Если вы не собираетесь оставаться в Криви, возьмут ли вас назад? Или теперь вы хотите сменить род деятельности?

– Честно говоря, понятия не имею, – ответила Анна, вертя в руке бокал. – Уезжая из Лондона, я думала, что больше не вернусь и к профессии повара.

– Очень жаль, – сказала Сюзен. – У вас настоящий талант. Все так вкусно.

– Спасибо, – улыбнулась Анна. – Просто... Моя карьера зашла в тупик, и я не понимаю, что делать дальше. Это еще одна причина, почему я купила «Счастье рыбацки». Продав

дом родителей, я смогла обойтись без ипотеки, а на свои сбережения и на то, что оставил мне отец, я проживу год или даже больше, если буду экономить. Я собиралась использовать это время, чтобы понять, что мне делать со своей жизнью, потому что уже несколько лет чувствовала себя... не знаю, наверное, немного потерянной. Как будто бесцельно плыву по течению.

– Да, милая, я знаю, как это бывает, уж поверьте, – сочувственно сказала Рона.

– Но теперь, – Анна обвела рукой блюда, которыми угощали гостей Фрэнк и Пэт, – когда я приготовила то, что хочу и как хочу, я поняла, что не могу без любимого дела. Это часть меня, часть моей души. Так работают мои мозги. И теперь я не уверена. Мне нужно все обдумать. И найти подходящую работу. Наверное, от этого зависит, куда я поеду.

– Вам нужно вновь открыть «Криви Инн», – предложил Филипп. – Там есть настоящая кухня, которая пропадает зря.

Раздался хор одобрительных голосов, но Анна колебалась.

– Сомневаюсь, что смогу управлять собственным бизнесом. Мое место на кухне. По натуре я ведомый, а не лидер.

– Почему вы так решили? – спросил Фрэнк.

Анна открыла было рот, чтобы ответить, но вовремя остановилась. Эти слова принадлежали бы Джеффу, поняла она, а не ей. Она слышала их столько лет – на протяжении всей карьеры, – что никогда не задумывалась, насколько они верны.

– Я... У меня нет опыта, – растерянно пробормотала она, шокированная этой мыслью. – И начального капитала.

– А по-моему, это отличная идея, и совершенно очевидно, что с едой проблем не будет. Кстати, где вы работали в Лондоне? – спросил Терри. – В каком заведении? Судя по тому, чем вы нас тут угощаете, это шикарное местечко.

Снова почувствовав неловкость, Анна сделала большой глоток вина. Как ни велико искушение солгать, она должна сказать правду.

– В ресторане «Четыре сезона».

– Ничего себе, – удивился Дэвид. – Вы имеете в виду ресторан Джеффа Роклиффа? Тот самый, что в прошлом году получил еще одну мишленовскую звезду?

– Да, – невозмутимо подтвердила Анна. – Получил. *Мы* получили.

Секундное замешательство нарушил смех Роны.

– У Криви есть мишленозвездный шеф-повар! – воскликнула она. – Кто бы подумал!

– Звезду дали не мне, а кухне, которой заведовал Джефф.

– Да ладно, – усмехнулась Сьюзен. – Готова поспорить, что все самое трудное делал кто-то другой. Обычная история.

Анна позволила себе улыбнуться:

– В любом случае теперь меня там нет.

– Долго вы там работали? – спросила Пэт.

– Со дня основания. Около пятнадцати лет. Достаточно

долго. Откровенно говоря, даже слишком.

– Мне нравятся его телепрограммы, – присоединилась к разговору Мари. – Кажется, на следующей неделе начинается новая?

– Да, я вчера о ней читала, – сказала Рона, и у Анны замерло сердце. – Звучит совсем неплохо. Он путешествует по всяким медвежьим углам Великобритании и выпрашивает у хозяев ресторанов новые рецепты. Жаль, что у нас тут ничего нет – он мне всегда нравился. И кажется, он недавно расстался с женщиной, с которой долго прожил вместе. Еще одна упущенная возможность! Давайте, Анна, возрождайте нашу таверну и уговорите его приехать – ради меня!

Все рассмеялись. Почувствовав внимательный взгляд Пэт, Анна принялась разглядывать свой бокал. Тут раздался звонок в дверь. Она сидела ближе всех к выходу и решила воспользоваться шансом и сбежать, хотя бы ненадолго.

– Давайте я открою?

– Конечно, дорогая. – Пэт улыбнулась, словно читая мысли Анны. – Это Старый Робби. Он предупредил, что опоздает.

Обдумывая неожиданный поворот застольной беседы, вызвавший мучительные воспоминания, Анна вышла в коридор и открыла дверь, не задумываясь о том, кто стоит по ту сторону. Она услышала «Старый Робби», и ее воображение нарисовало суровое, морщинистое лицо Дугласа Маккина. Но перед ней стоял – широко улыбаясь, с бутылками вина в

обеих руках, – мужчина, которого она легко приняла бы за сорокалетнего Роберта Редфорда, и Анна от растерянности перестала что-либо соображать.

– Э... Привет, – сказал мужчина. Анна молчала, и его улыбка погасла. – Должно быть, вы... Анна? – Он сунул одну бутылку под мышку и протянул ей руку. – Роберт Маккензи. Кажется, это вам я продал «Счастье рыбачки»?

Анна открыла рот, собираясь ответить, но обнаружила, что сигналы от мозга по-прежнему не доходят до языка. Тогда она закрыла рот, пожала протянутую руку и наконец отступила в сторону, пропуская его.

– Да, конечно. Простите, – поспешно извинилась она. – Прошу прощения. Входите, они все в гостиной. Рада с вами познакомиться.

Он прошел вперед, очевидно слегка встревоженный. Неудивительно, подумала Анна и выругала себя.

– Простите, – повторила она, чувствуя необходимость объясниться. – Но... вы не старый.

Он удивленно заморгал, потом нахмурился:

– Я не... что?

Анна выдохнула, почувствовав, что к ней наконец-то вернулась способность соображать, и подумала, не стала ли она жертвой изощренного местного ритуала инициации.

– Здесь все называют вас Старым Робби. Первым местным жителем, которого я встретила, был Дуглас Маккин, и он действительно старый, а потом Пэт и Фрэнк сказали, что

вы с ним друзья, и я... я подумала, что вы...

– Старый, – закончил он, и его губы растянулись в улыбку. – Кое-кто именно так и считает. Моего сына тоже зовут Роберт, так что здесь я *Старый* Робби, а он...

– Молодой Робби.

– Точно. – Роберт Маккензи снова улыбнулся. – Простите, что вышла такая путаница.

Анна поморщилась.

– Это я должна просить прощения за то, что вела себя как полоумная, когда открыла дверь. Пока что единственный результат моего «знакомства с соседями» – это желание стать затворницей.

Он рассмеялся, и его низкий раскатистый смех отразился от стен коридора, вызвав у нее улыбку.

– О нет, здесь этого делать не стоит. Это прямой путь к безумию.

Шум из противоположного конца коридора вдруг стал громче – Пэт открыла дверь в гостиную.

– Все в порядке? – спросила она. – Робби, советую тебе войти и попробовать то, что приготовила Анна, пока на столе что-то осталось. Еще пять минут, и тебе ничего не достанется.

Разговоры неспешно перескакивали с темы на тему; собравшиеся обсуждали родственников и знакомых, касались истории деревни, слухов и интриг – в основном ради Ан-

ны. Она смеялась рассказам о проделках бывших жителей, по которым местные по-прежнему скучали, а многие истории относились к тем временам, когда таверна «Криви Инн» процветала и в нее можно было заглянуть даже после официального закрытия. В рассказах фигурировало и «Счастье рыбачки», причем о доме говорили с такой симпатией, что Анна жалела, что не может обратить время вспять и приехать, когда была жива Брен.

– Помнишь тот шторм, через полгода после нашего переезда? – спросила Пэт Фрэнк. – Черепица так гремела, что, казалось, крышу сейчас сдует, а потом мы подумали, что Брен приходится еще хуже.

– Ну да, – кивнул Фрэнк. – Волны вздымались так, что мы не сомневались: утром выглянем в окно и увидим, что всю деревню смыло в море. Когда около часа ночи волна в третий раз ударила в дверь, я решил привести Брен в «Приют ткача». Береженного бог бережет, подумал я, а места у нас полно. В общем, я завернулся в плащ, побрел туда и постучал в дверь. Мне казалось, что я стучал не меньше получаса, пока наконец она, сонная, в ночной рубашке, не открыла дверь и не заявила, что я ее разбудил!

Пэт рассмеялась.

– Потом мы уже не волновались. Такого смелого человека еще поискать. Мы скучаем по Брен, упокой Господь ее душу.

– Забыла сказать. – Анна указала на полупустую тарелку с печеньем. – Вчера я нашла старую книгу рецептов Брен и

по ней испекла песочное печенье с малиной и миндалем.

– О, как мило! – воскликнула Сьюзен, протягивая руку к тарелке. – Я помню Брен и ее выпечку. Ей особенно удавались кексы.

– Мне следовало принести книгу. – Анна повернулась к Роберту Маккензи. – Ее нужно вернуть вам, в семью. Если хотите, я за ней схожу.

Роберт улыбнулся:

– Знаете что? Лучше оставьте ее себе. Вам она пригодится больше, чем нам, и мне приятно, что книга останется в доме, где родились эти рецепты.

– Вы уверены? – Анна была растрогана. – Это так мило с вашей стороны.

– От нее нам на память много чего осталось. Вчера мы с Молодым Робби выходили в море на ее шлюпке, – прибавил он, обращаясь ко всем. – Пришлось потрудиться, чтобы ее восстановить, но теперь она в порядке. Думаю, из мальчика выйдет отличный моряк. Это лучший подарок, какой только могла ему сделать Брен.

– Как чудесно, – сказала Мари. – Наверное, вы не удивились, что его тянет в море – с учетом его родословной, а? Оба его дедушки, вы сами на спасательном судне, его бабушка, мама, тетя...

Старый Робби провел рукой по волосам, и Анна заметила блеск золота на его пальце.

– Ну, ему лишь бы гоняться за своими любимыми дель-

финами, в этом все дело. Вбил себе в голову, что его шлюпку можно использовать как спасательное судно, если они запутаются в сетях или еще что. Я взял с Робби страшную клятву, что он будет выходить в море только со мной или с Барбарой. Он хороший мальчик, но легко увлекается.

– Ваша жена тоже выходит в море? – спросила Анна. – Наверное, вы замечательно проводите выходные?

В его остром взгляде мелькнуло что-то, похожее на боль. Анна с замиранием сердца поняла, что сказала что-то ужасное. Внезапная тишина нарушила непринужденную атмосферу в комнате.

– Мама Робби умерла несколько лет назад. – Голос его был тихим и ровным. – Барбара приходится ему бабушкой. Она много нам помогает. И она сама опытный моряк. Еще несколько лет назад выходила с нами в море на спасательной шлюпке.

– Я... простите, – пробормотала Анна. – Я не...

Старый Робби улыбнулся и покачал головой:

– Не извиняйтесь, в этом нет нужды. В любом случае вы правы... Кэсси *была* настоящим моряком... Море – ее родная стихия, и я в шутку называл ее шелки.

Глава восьмая

На следующий день, в воскресенье, Анна присоединилась к Дэвиду и Глинн, которые вывели на прогулку своего ирландского сеттера, огромного ласкового пса с лохматой рыжей шерстью. Растрепанные, они постучались к ней в дверь и пригласили составить им компанию. Анна согласилась, растроганная искренним предложением дружбы и вспомнив данное самой себе обещание: «Пока ты здесь, как можно чаще говори “да”».

– Не спрашивайте, – сказал Дэвид, когда Анну официально представили собаке с не слишком подходящей кличкой Билл. – Это все Глинн. Мы договорились, что породу выбираю я, а имя – она, и я так обрадовался, что не заметил подвоха.

– По мне так чудесное имя, – сказала Анна, познакомившись с жизнерадостным Биллом, и рассмеялась, заметив торжествующий взгляд, брошенный Глинн на Дэвида.

Они пошли по главной – и единственной – дороге, ведущей из деревни, поравнялись с парковкой и стали подниматься к полям, тянувшимся к востоку от скалы, нависавшей над Криви. Тропинка уводила их все выше и становилась все круче, – казалось, скала вздымается к самому небу. Временами тропа опасно подходила к краю обрыва – так близко, что Анна могла видеть внизу не только «Счастье рыбачки»,

но и крыши других домов.

Анна смотрела, как Билл бежит впереди, быстро перебирая огромными лапами и время от времени останавливаясь и проверяя, следуют ли они за ним. Утром ветер усилился; он трепал волосы и сбивал дыхание. В дождливую погоду или зимой подниматься здесь было бы еще труднее. На самых опасных участках тропы виднелись следы оползней – проплешины на склонах, где трава и почва съехали вниз, обнажив красноватый камень. Анна вспомнила о поврежденных домах, которые заметила во время первого знакомства с деревней.

– Я еще вчера хотела спросить, – сказала она, – здесь бывают оползни? Некоторые дома в Криви, похоже, пострадали от них.

– Да, – подтвердил Дэвид, – просто ужас. Пару лет назад сошел сильный оползень. Во время шторма. Мы еще легко отделались – могло быть гораздо хуже. Муниципальный совет все твердит о земляных работах, чтобы укрепить остальной склон, но никто в деревне не знает, как это сделать.

– Они и сами не знают, – прибавила Глинн, – в последний год уже и разговоров не слышно.

Анна нахмурилась:

– Но ведь это опасно, разве нет?

– Опасно, – согласился Дэвид. – Потом случались и другие оползни, не такие сильные. Но Криви стоит тут несколько веков и пережила и не такое. В пятьдесят третьем году жут-

кий шторм на побережье смывал в море целые дома, и Криви не стала исключением. Вы, верно, заметили пустое место рядом с большими коттеджами? Там стоял еще один дом, но он был так поврежден, что его пришлось снести. Тот шторм положил конец рыболовству в нашей деревне. Люди потеряли слишком много лодок, и маленькой рыболовецкой общине так и не удалось снова встать на ноги. Настоящая трагедия.

– Наверное, к пятьдесят третьему году «Счастье рыбацки» уже построили, – сказала Анна.

– Конечно, – кивнула Глинн. – И готова поспорить, в доме жила Брен. Сомневаюсь, что она заметила бьющий в окно ветер.

– Вы ее знали?

– Скорее Дэвид, чем я. Мы встречались несколько раз – достаточно, чтобы я поняла, что она сила, с которой нельзя не считаться, хотя, честно говоря, это сразу бросалось в глаза. Когда мы познакомились, она уже превратилась в маленькую старую даму с серебристыми волосами, но все еще производила внушительное впечатление. Знаете, бывают такие железные старушки, над которыми время словно не властно. Жаль, что это не так. Брен – одна из последних нитей, которые связывали нас с прошлым Криви.

– Я помню ее еще с детства, – сказал Дэвид. – Казалось, она не менялась. Вечная улыбка на устах, а в кармане всегда пастилки для ребятишек. Почти до самого конца она ходила на пристань встречать Старого Робби, когда он привозил ей

покупки из Геймри. Всем бы нам в девяносто пять быть такими бодрыми и деятельными, как Брен Маккензи.

– Расскажите мне о ней.

– Лучше поговорите со Старым Робби. Он с удовольствием расскажет вам истории из ее жизни.

Анна набрала полную грудь холодного воздуха:

– Мне кажется, я до самого отъезда буду избегать Роберта Маккензи.

– Как? Почему? Потому что завели разговор о его умершей жене, о которой никто из нас не догадался рассказать? – удивился Дэвид. – Я уверен, он не держит на вас зла. Да и с чего бы? Кэсси умерла пять лет назад, и я ни за что не поверю, что все это время они с Молодым Робби о ней не говорили. Не думаю, что эта тема табу. Во всяком случае, надеюсь, а иначе тем хуже для всех.

Но Анна помнила выражение глаз Старого Робби, когда она задала свой вопрос. Оно сохранялось не дольше секунды, но все же... Интересно, подумала она, есть ли на свете что-то более трагичное, чем мужчина, все еще любящий покойную жену. Отец Анны так и не смирился со смертью жены, и хотя они часто говорили о ней и развесили во всем доме ее фотографии, смерть Хелен Кэмпбелл оставила в его сердце пустоту, которую не мог заполнить никто. Выражение, на секунду мелькнувшее в глазах Роберта Маккензи, потрясло Анну, потому что было хорошо ей знакомо. Ту же боль она видела в глазах отца, когда он задумчиво рассматривал фо-

тографию матери, сделанную в день их свадьбы. Это произошло за неделю до его смерти, а к тому времени матери Анны уже тридцать лет как не стало. Иногда любовь длится один сезон, а иногда она длиннее жизни. Но и та и другая могут быть необыкновенно сильными, и это одна из многих загадок человеческого сердца. Возможно, все дело в том, что сама Анна еще остро переживает смерть отца и ей очень не хочется беречь такую же рану в сердце другого человека. Как бы то ни было, вина тяжким грузом давила ей на плечи, и она никак не могла забыть тень страдания, пробежавшую по лицу Роберта Маккензи.

– От чего она умерла? – спросила Анна, вглядываясь в бурные, гонимые ветром волны далеко внизу. Теперь они уже вышли за пределы деревни, и Анна видела только дикий скалистый берег. – Ведь она не утонула, правда?

– Кэсси? Нет, конечно. Рак груди. Вы бы видели ее похороны. Она работала учительницей младших классов, и проститься с ней пришла вся школа, а также бывшие ученики и почти все местные жители отсюда до Фочаберса. Кэсси Маккензи все очень любили.

Анна опять вспомнила выражение глаз вдовца. Теперь у нее не оставалось никаких сомнений.

Следующую неделю Анна посвятила малярным работам. Начала она с гостиной внизу, одолжив у Фрэнка защитные чехлы для мебели и аккуратно скатав новый коврик.

Просто удивительно, как преображается комната с чистыми стенами. Анна выбрала белую краску, отражавшую почти весь свет, который проникал через немногочисленные окна и расширявшую внутреннее пространство «Счастья рыбаки». Но работа утомила ее, и когда из-за туч выглянуло солнце, Анна – она как раз накладывала последний слой – восприняла это как указание, что следует послушаться Кэти и устроить себе настоящий отпуск, а не искать все время какое-нибудь дело.

Но к четвергу, на четвертый день недельного «отпуска», Анной овладело беспокойство. Она думала, что после стольких лет работы допоздна и редкого отдыха ее тело будет благодарно за долгую передышку. Решив рассматривать свое пребывание в Криви как отпуск, Анна вообразила, что прочтет все книги, которые всегда мечтала прочесть, но на которые у нее никогда не хватало времени, найдет на побережье лучшие места для купания, будет ходить в однодневные походы, беспокоясь лишь о том, чтобы найти дорогу домой до наступления темноты. Она мечтала о ленивых послеполуденных часах, проведенных в кафе. Но просыпалась как всегда рано, а поскольку заняться ей было нечем, мысли все время возвращались к тому, что следовало бы оставить позади: она думала об отце, о том, как мало они виделись в последние годы и как сильно она по нему скучает. Продолжала размышлять о Джеффе, которого отец всегда недолюбливал. Почему она так долго с ним мирилась? Как ему удалось убе-

дить ее, что то подобие жизни в его тени – лучшее, на что она может рассчитывать? Анна обнаружила, что злится на себя за потерянное время, за те годы, которые могли бы быть гораздо счастливее.

Потребность отвлечься и воспоминание об удовольствии, которое доставила ей подготовка к вечеринке у Пэт и Фрэнка, возродили у нее желание что-нибудь приготовить. Нужно радоваться, подумала Анна, что любовь к профессии, которую она считала безвозвратно ушедшей, на самом деле просто взяла паузу, а новые обстоятельства позволили ей расцвести вновь. Другое дело, что ей не для кого готовить, кроме самой себя.

– Я думала о кулинарной книге, которую собиралась составить, – сказала Анна, разговаривая с Кэти по интернету; она установила в доме вайфай, полагая, что будущим арендаторам понадобится связь с внешним миром. – Может, я поработаю над ней. Загвоздка в том, что у меня есть только рецепты блюд из «Четырех сезонов».

– Тогда начини готовить что-то новенькое, – посоветовала Кэти. – У тебя же там есть кухня? Как насчет соседей, с которыми ты подружилась? Готова поспорить, они будут рады попробовать твою стряпню.

Анна окинула взглядом «Счастье рыбачки».

– Дом слишком мал. Здесь нет места для приема гостей.

– Уверена, они поймут, если ты будешь приглашать их по двое. В конце концов, они прекрасно знают размеры твое-

го дома. Думаю, кулинарная книга – отличная идея. Помимо всего прочего, ты выяснишь, что именно тебе нравится готовить, верно? Это пригодится, когда ты начнешь искать другую работу.

– Ты права.

– Конечно, права. Я *всегда* права. Разве ты еще этого не поняла?

Анна улыбнулась:

– Прости, забыла.

– Вот еще, – фыркнула Кэти. – Чтоб этого больше не было. И, пожалуйста, пришли мне на почту рецепт твоего шоколадного рулета с фисташками. Я по нему с ума схожу.

Для начала Анна пригласила Пэт и Фрэнка – во-первых, они ее ближайшие соседи, а во-вторых, надо как-то отблагодарить их за гостеприимство, хотя они, конечно, не считают, что она им что-то должна. Чем лучше Анна узнавала их, тем больше проникалась к ним симпатией.

– Вы завтра свободны? – спросила она Пэт за чашкой чая. Такие послеобеденные посиделки уже вошли в привычку.

– Вы не поверите, но вечером приезжают гости, – ответила Пэт. – Их нужно накормить. Мне жаль.

– А если не ужин, а ланч? – спросила Анна.

– Чудесно, если это не слишком хлопотно.

– Конечно, нет, – успокоила ее Анна. – У меня нет никаких неотложных дел. Только подскажите, что из продуктов вы не особенно любите?

– Собственно говоря, мы оба совсем неприхотливы в еде.

– Я бы хотела приготовить рыбу, если вы не против, – сказала Анна. – И предпочла бы взять ее у местного торговца, а не на полке в «Теско». Что-нибудь посоветуете?

Пэт задумалась:

– Местного торговца рыбой здесь уже нет. Но парни из Геймри по-прежнему хранят свой улов на льду в Гарденстауне перед отправкой на переработку во Фрейзербург.

Анна прикусила нижнюю губу:

– Наверное, я съезжу туда и посмотрю, что у них есть.

– Можно пройтись пешком, – предложила Пэт. – День сегодня погожий, море спокойное. Вы получите удовольствие.

– А разве между Криви и Гарденстауном есть тропа? – удивилась Анна.

– Есть, – подтвердила Пэт. – Пойдемте, я вам покажу. Мы называем ее партизанской. Я бы и сама с вами прогулялась, но перед приездом гостей нужно привести в порядок комнату с видом на море. Не подумайте, что я жалуюсь. Просто начинается летний сезон.

Глава девятая

Тропа от Криви к Гарденстауну – местные жители предпочитали старое название, Геймри, – проходила вдоль утеса, возвышавшегося на берегу залива, разделявшего два поселка. Чтобы попасть на нее, нужно пересечь парковку, объяснила Пэт. Там начинается узкая тропинка – ее хорошо видно от входной двери «Счастья рыбачки». Дальше тропинка огибает утес и переходит в более или менее обустроенную бетонную дорожку.

– Выйдете прямо в Геймри, тут около мили, – сказала Пэт. – Только наденьте туристические ботинки – во время прилива волны захлестывают тропу, а на другом конце каменистый пляж. Но прогулка будет приятной.

День был ветреным, но теплым, и апрельская погода обещала не подвести. С одной стороны к тропе вплотную подступала скала, вдоль другой между хилыми металлическими столбиками, проржавевшими от соленого ветра, тянулись тонкие цепи. Внизу морской берег устлала острые камни, покрытые влажным мхом и водорослями, от которых исходил запах гнили. Морские птицы с криком ловили потоки восходящего воздуха над головой Анны, и она с удивлением обнаружила, что привыкает к этим звукам – пронзительные жалобные вопли чаек ее уже не раздражали.

Тропа обогнула выступ, и впереди показался Гарденстаун.

Старую часть города у самой воды, как и Криви, построили крестьяне, изгнанные с более плодородных земель дальше от берега. Когда Анна оказалась по другую сторону скалы, ветер ослаб до легкого бриза, и стало понятно, что большой поселок защищен гораздо лучше, чем открытый всем стихиям берег, на котором примостилась Криви. Тем не менее порт Гарденстауна окружали волноломы, усиливавшие безопасность естественной бухты, этим и объяснялось большое количество судов, стоявших здесь на якоре. В основном это были прогулочные катера, но, на ее неопытный взгляд, среди них затесались два или три рыболовных траулера.

Анна посмотрела на часы – почти три часа дня. В силу профессии она часто бывала на рыбном рынке Биллингсгейт и знала, как работают британские рыбаки. Подстраиваясь под приливы и отливы, они выходят в море ночью и возвращаются ранним утром. Рыбу на рынок привозили со всей Великобритании, хотя вряд ли, подозревала Анна, там встречался улов из крошечного Гарденстауна в заливе Мори-Ферт. Но график работы рыбаков, скорее всего, везде одинаков. Если повезет, она успеет поговорить с командой одного из траулеров, прежде чем они снова выйдут в море.

В порту было тихо, но от воды доносились голоса. Трое мужчин в плотных непромокаемых комбинезонах поверх вязаных свитеров поднимали сети на борт одного из траулеров. Больше на берегу никого не было. Когда Анна двинулась к ним вдоль стенки набережной, они коротко кивнули, при-

ветствуя ее, а затем отвернулись, продолжив разговор.

– Привет, – крикнула Анна. – Можете уделить мне минутку?

Они снова умолкли, посмотрели на нее, переглянулись. Один из рыбаков выпустил сеть, подошел ближе и, улыбнувшись, перегнулся через леер траулера. На вид лет тридцати – темные, коротко подстриженные волосы над загорелым лицом и квадратный, заросший щетиной подбородок, глаза цвета моря под густыми бровями, придававшими ему суровый вид. Наверное, подумала Анна, молодые женщины находят такие лица неотразимыми и многие уже попались в эту ловушку.

– Чем могу помочь? – спросил он. За его спиной двое других рыбаков подняли сеть и нырнули в трюм.

Ее удивило отсутствие тягучего шотландского говора, а также легкий иностранный акцент.

– Далеко вы забрались от дома, – сказала она. – Киви², да?

Он снова улыбнулся:

– Точно. У вас хороший слух. Обычно меня принимают за австралийца.

– Не хочу вас отвлекать, – продолжила Анна. – Мне говорили, что у вас можно купить немного рыбы.

Он переступил с ноги на ногу:

– Весь наш улов для Фрейзербурга.

– Ладно. В порту есть еще суда, где мне помогут? Я пред-

² Шутливое прозвище новозеландцев.

почла бы купить рыбу у местных, а не тащиться во Фрейзербург за полиэтиленовой упаковкой.

Мужчина повернул голову и несколько секунд задумчиво смотрел на волны.

– Не думаю. То есть если хотите, можно кого-то нанять, чтобы выйти в море...

Анна покачала головой:

– Слишком дорого, не говоря уже о времени. Мне и нужно-то рыбы всего на три порции.

– Какая рыба?

– Любая, лишь бы хорошая и свежая.

Рыбак внимательно посмотрел на Анну, словно пытаясь понять, кто она.

– Вы Анна Кэмпбелл, – после секундной паузы заключил он. – Повар, поселившийся в Криви.

Анна поразилась:

– Откуда вы знаете?

– Это маленький город, – усмехнулся он.

– Да, но я здесь не живу. И ни разу не бывала в Гарденстауне. И вообще недавно сюда переехала!

Он дернул широким плечом. Улыбка не сходила с его лица, а в глазах появился лукавый блеск. У него были манеры человека, который осознает свою привлекательность и умеет ею пользоваться.

– Приезжает очень красивая женщина, и люди это замечают. Приезжает очень красивая женщина, умеющая обра-

щаться с ножом, и люди об этом говорят. Очень красивая женщина ищет свежую рыбу. Сложить два и два способен даже киви.

Анна прищурилась, пытаясь сдержать улыбку, в которой невольно растянулись ее губы:

– Не флиртуйте со мной, киви. Вы мне почти в сыновья годитесь.

Он рассмеялся:

– Разве что вы гораздо старше, чем выглядите, Анна Кэмпбелл. Давайте так: я принесу вам кое-что из завтрашнего улова, а вы угостите меня одним из ваших мишленозвездных блюд. Это будет честный обмен?

– Не будет никакого обмена. – Анна тоже рассмеялась. – Во-первых, мы не знакомы. К тому же у меня больше нет места за столом. Раз вы знаете, кто я, значит, знаете, где я живу, и не стоит питать иллюзий на этот счет.

– Поставьте стол на улице, – посоветовал он. – Так будет больше места.

– Да уж, – усмехнулась Анна. – Представляю себе картину: я запикиваю стол для пикника в машину и тащу его вдоль моря к дому. Разговоров всему побережью хватит не на один год, не думаете?

– Вам потребуется большой и сильный мужчина, – сказал он.

Анна сочла (или хотя бы понадеялась), что это ирония.

– Спасибо, в моей жизни хватало больших и сильных муж-

чин, — парировала она, — но опыт подсказывает, что все заканчивается разочарованием.

Рыбак снова улыбнулся, вскинув одну бровь:

— Тогда я готов предположить, что среди них не нашлось того, кто вам нужен, Анна Кэмпбелл.

Она вздохнула и покачала головой, изображая досаду:

— Ладно. И на том спасибо, киви. Найду рыбу в другом месте.

— Подождите, — остановил он Анну, которая уже отвернулась, собираясь уйти, и, перепрыгнув через леер траулера, приземлился на набережной. — Я могу привезти вам часть улова. Только это будет завтра не раньше шести утра. Подойдет?

— Да, — сказала она, — но вам не обязательно это делать. Я с удовольствием сама сюда приду.

— Не проблема, — успокоил ее он. — Мне так даже проще.

Анна нахмурилась:

— Но это законно, да?

— Я похож на пирата?

Анна не сомневалась, что его гнев притворный.

— Честно говоря, похож.

— Все будет абсолютно открыто и честно. Обещаю. Хотите, чтобы я ее выпотрошил?

— Кажется, мы уже выяснили, кто из нас двоих лучше обращается с ножом.

— Справедливо, — с легкостью согласился он. — Договори-

лись. Буду у вас завтра, *avec le poisson*³.

Анна хотела спросить, как его зовут, но потом решила, что забавнее будет не знать.

– Спасибо, киви.

Он рассмеялся:

– На здоровье, Анна Кэмпбелл.

– О... – сказала Рона. – Значит, вы познакомились с чудом по имени Лиам Харпер. Настоящая отрада для глаз, не находите?

– Угу, – подтвердила Анна, – и ему это прекрасно известно.

Рона рассмеялась:

– Точно. И он очень мил. Когда он с вами разговаривает, его внимание направлено только на вас, что бы ни происходило вокруг. Насколько я знаю, это очень редкая особенность.

Анна оказалась в мастерской Роны, рассудив, что раз уж она добралась до Гарденстауна, можно и в гости зайти. Рона жила в двухэтажном доме на главной улице, которая вилась по склону холма. «Мастерская», совмещенная с демонстрационным залом, размещалась в перестроенном гараже, выходившем прямо на оживленную улицу. Как говорила сама Рона, в высокий сезон это идеальное место, чтобы привлечь внимание проходящих мимо туристов.

³ С рыбой (фр.).

– Все так красиво, Рона, – сказала Анна, с восхищением разглядывая неглубокую миску, покрытую светлой глазурью с синими, охряными и сине-зелеными пятнышками, как на песчаном пляже во время отлива. – Даже не верится, что вы занимаетесь этим лишь несколько лет.

Рона улыбнулась:

– Забавно, правда, когда находишь дело, для которого родился? Как будто тебя внезапно осеняет, и ты недоумеваешь, почему не понял этого раньше.

– Я бы купила у вас несколько глубоких и мелких тарелок, а еще пару мисок, если смогу все унести, – решила Анна. – Пригласила бы на завтрашний ланч и вас, но у меня в доме мало места. Заглянете как-нибудь?

– Не волнуйтесь, днем я все равно не выберусь. И конечно, загляну с удовольствием, но торопиться некуда. Похоже, вы отлично справляетесь, учитывая, сколько вы живете в «Счастье рыбачки». Когда я переехала сюда, то несколько месяцев пребывала в полной растерянности.

Анна задумалась:

– Гм... Мне и вправду кажется, что я живу здесь гораздо больше трех недель. Наверное, привыкаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.